

Полина Граф

КНИГА 1

МОНСТРУМ

ЭКВИЛИБРИС

Полина Граф Монструм

Серия «Эквилибрис», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68287703

Полина Граф. Эквилибрис. Книга 1. Монструм: Popcorn Books; Москва;

2021

ISBN 978-5-6045426-5-1

Аннотация

Наш мир полон живых небесных тел. Здесь война между Светом и Тьмой поделила Вселенную на части. А Души – оружие и инструмент. С Земли не видно ни огромных полисов, ни бойни светил. Мы, Протекторы, люди под знаками созвездий, всегда были сами по себе. Тысячи лет мы защищали человечество от Тьмы, ниспосланной нам Вселенной. Но звездный взор упал на нас. В тот день я расколочил свою Душу, потерял ее часть и многое забыл. А после был обвинен в предательстве Света. Найти треть себя и оправдаться – последний шанс на спасение, пока нечто спящее, опасное и чужое, занявшее пустоту внутри моей Души, не взяло надо мной верх...

Содержание

Законы Вселенной	5
Часть I	8
Глава I	9
Глава II	16
Глава III	29
Глава IV	44
Глава V	60
Глава VI	74
Глава VII	91
Глава VIII	118
Глава IX	126
Глава X	138
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Полина Граф

Эквилибрис.

Книга 1. Монструм

16+

Иллюстрация на обложке: Сильвия Бай

Иллюстрации на обороте обложки: Полина Граф

Книга издана с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

© Полина Граф, 2017

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2021

Cover art © by Sylvia Bi, 2021

Законы Вселенной

I. Вселенная – часть тебя, а ты – часть ее.

II. Сохраняй Эквilibрис. В первую очередь в себе.

III. Сила – в памяти.

IV. Нет ничего ценнее души.

V. Ничто не возникает из пустоты, и ничто не становится пустотой.

VI. Любое деяние имеет последствие.

VII. Манипулируй Вселенной, но отдавай ей равное взамен.

VIII. Вечность никому не дает лишнего времени.

IX. У Вселенной на каждого имеется план. Судьбу не обмануть.

X. Константа – в переменах. Все должно меняться.

XI. Губя чужие души, наносишь вред своей.

XII. Бессмертия нет, каждый отправится по дальнейшему пути.

XIII. Познавай себя через Вселенную, а Вселенную через себя.

*Fiat Lux*¹

...Существует легенда, пришедшая из самой древности эпох и Гenezисов. Она гласит, что Вселенная родилась из

¹ Да будет свет! (лат.)

Мысли.

Мысли, разверзшей вечный Обливион, устремившей струны Тьмы и Света в бесконечность.

Тогда, на заре пространства-времени, хаоса материи и гула близкого нового мира, произошло три взрыва. Никто не знает, что творилось между ними. Благодаря взрывам Вселенная стала такой, какой мы ее видим и знаем в каждом отрезке временного горизонта.

Но в самом начале была лишь Мысль.

Та самая, которую мы утратили.

Согласно легенде, она растворилась и стала ничем. Ведь Обливион поглотил ее первой.

Все родилось из Мысли...

Атлас горизонтов

Иногда я открываю глаза и пытаюсь вспомнить, каково это – спать и видеть сны. Или же вспоминаю о реальности. Кажется, я утратил оба состояния в этом месте. Есть только падение, бесконечное и тягостное. В пустоте.

В ней я вижу свою жизнь: мертвую звезду, что забыла собственный мир, а также темного, создавшего себя из страха. Я общался с рожденными за небесами – порой такими же простыми и порочными, как люди. Сталкивался со злом и добром – столь разным и столь похожим. Проходил сквозь души: необозримо огромные, невообразимо хрупкие. Я воевал против Тьмы, но вглядывался в нечто намного страшнее и хуже, а оно смотрело на меня в ответ тысячей кричащих

глаз.

Я слышу тебя, чувствую. Вряд ли ты существуешь, очередной плод моего воображения. Но выбрать спутников здесь не приходится. Главное, что ты как раз вовремя – думаю, это последний раз, на большее меня вряд ли хватит. Пора уходить. Восстановлю все в памяти как можно подробнее – ради тебя.

Если ты готов – внимай. Я расскажу тебе о событиях, свидетелем которых был, о душах столь сильных, что они, казалось, сияли ярче Солнца. О Бесконечной войне, что забрала каждого из нас еще до рождения. Расскажу о Вселенной, познающей себя через тебя и меня.

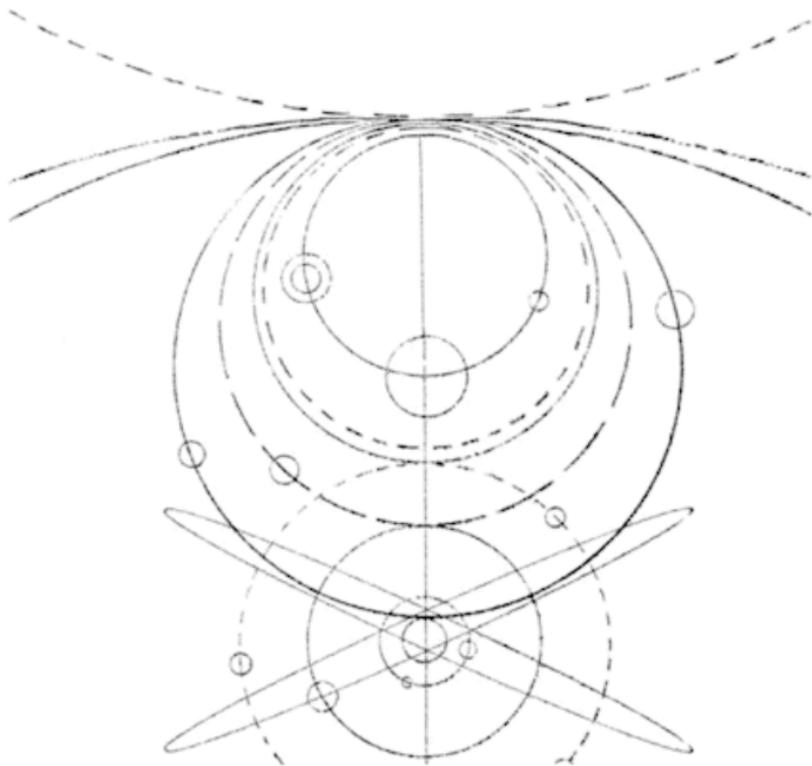
Ничего больше не осталось – только мои воспоминания и ты.

До холодных мрачных вод. В последний раз.

Падай вместе со мной...

Часть I

Загляни в мою душу

Глава I

Красное пламя

Свет...

Я так давно его не видел... я...

Передо мной предстала ночь, потом – грязный проулок и ржавые мусорные баки. Вот что я увидел, как только очнулся, лежа на холодном сыром асфальте. В груди страшно жгло огнем, суставы ломило. Кровь отбойным молотком долбила в ушах, а затылок болел настолько, что голова закружилась от одной лишь попытки подняться. Темнота манила, пыталась вновь завлечь меня в беспамятство, но я переборол себя. Со стоном цепляясь за стену, встал на нетвердые ноги. Меня стошнило. На языке остался мерзкий привкус гниения.

Я поковылял в сторону освещенной фонарями дороги. Там никого не было, ни людей, ни машин, даже в окнах домов редко горел свет. На чистом небосводе прожектором повисла луна. Минут пять я просто стоял, пытаюсь собраться с мыслями, а затем зашелся в кашле из-за неутихающей боли в груди. Когда взгляд упал на руки, сердце замерло от ужаса. Они были покрыты слоем черной слизи, отдававшей гнильцой. Как в полусне я стал осматривать себя. Чернь была повсюду: на синем мундире, брюках, сапогах, даже под рубашкой. Но ни одно толковое воспоминание не выходило на свет.

Лишь обрывки.

– Вы протектор?

Я испуганно обернулся и увидел мужчину и девушку, к рабочим поясам которых крепилось оружие из мерцающего серебра.

– Кто? – хрипло переспросил я.

Двое подошли ближе. Они носили серо-синие форменные куртки. Подозрение застыло на их лицах, когда им удалось меня рассмотреть.

– С вами все в порядке? – осторожно поинтересовалась девушка.

– Я... я не...

– Соларум зафиксировал проявление Тьмы, – сказал мужчина. – Вы так быстро устранили опасность?

Я не нашел что ответить. Вместо этого продолжил вглядываться в покрытые чернотой руки, стараясь сохранять равновесие.

Девушка с опасением подалась вперед.

– Как вас зовут?

Мой взгляд задержался на ней. Все начало темнеть, мысли спотыкались друг об друга. В груди заболело сильнее, и откуда-то из глубины прорезался красный свет. Казалось, его видел я один. Этот свет был *внутри* меня. И я понимал это гораздо отчетливее, чем ответ на самый простой вопрос.

– Я не знаю.

Кто я?

Мы миновали несколько малолюдных улиц. Мне помогали идти, и я смутно различал дорогу.

Где я?

Мы вошли в неказистый двухэтажный дом, и, пока мужчина с кем-то говорил, девушка повела меня вверх по скрипучей лестнице.

Почему я здесь?

– Что же с тобой приключилось? – отстраненно произнесла незнакомка, когда я едва не оступился. Она посмотрела на прикрепленные к моей форме пустые погоны. – И знака еще нет. Как ты оказался один? Новеньких же не пускают на зачистку.

Что произошло?

В конце мрачного коридора – дверь, по центру – четырехконечная звезда Света в окружении созвездий. Ручек не было, да они и не требовались. Девушка приложила мою ладонь к звезде. Я успел заглянуть в ее душу. То была высокая стена, увитая виноградными лозами. Теплый ветер принес с собой запах имбиря и свежей выпечки, отчего мне захотелось раствориться в этом месте.

Красный огонь. Он повсюду. Я сгораю в нем.

Дверь бесшумно отворилась. Впереди простиралась иде-

ально круглая зала, пол которой был выстлан зеркально-черным камнем. В нем, точно в водной глади, отражался потолок – стеклянный купол, за которым темнело бескрайнее ночное небо, где звезды сияли так ярко, будто стали ближе к нам. Показались чьи-то фигуры, но к тому моменту я уже почти не соображал и не смог их различить.

Кем мне теперь быть?

* * *

Темные волны погребали меня под собой, лишь изредка позволяя взглянуть на реальный мир.

Люди в синей форме куда-то меня несли. На поясах у них висело оружие.

– Просто дайте мне поговорить с ним! – Голос на грани истерики. До меня он долетал словно из другой галактики. – Пожалуйста! Я его наставник, вы должны мне позволить! Случившееся наверняка можно объяснить, это какая-то...

– Фри, все решится на суде, – строго перебил другой. – К этому выродку опасно приближаться, а тебя вообще приказано держать от него подальше.

Фри... Это имя было мне знакомо. В памяти всплыл смех и черты носившей его. Я помнил глупые шутки, самоуверенность, то, как она приходила ко мне в Архив с пачкой орехового печенья, чтобы докучать однотипными насмешками.

– Не называй его так! – разозлилась она. – И кто приказал?

Паскаль?! С ним во главе это не суд, а трибунал!

– Убирайся!

Черная волна обрушилась мне на голову. На самом дне ревело красное пламя. Оно затягивало, старалось поглотить. Я отчаянно сопротивлялся, но огонь подобрался вплотную.

– Поднимите его.

В голове неожиданно прояснилось.

Длинный коридор, где серокаменные стены покрывала резьба, а под сводчатым потолком вместо люстр в окружении плавающих осколков стекла витали небольшие шары света. Два человека в темно-синей форме крепко держали меня под руки. Запястья оказались скованы наручниками, состоящими из света.

Я впервые трезво оценивал происходящее с тех пор, как очнулся в подворотне. Мундира на мне не было, как и рабочего пояса. Всю черную гниль с одежды выжгли.

– Что... – вырвалось у меня. – Что произошло?..

– Проверьте защиту, – раздался строгий голос.

Мой взгляд устремился к увесистому мечу из мерцающего серебра, а уж потом перешел к самой протекторше. Каждый ее шаг отдавал стальной уверенностью. Слегка вздернутый нос, коралловые губы сомкнуты тонкой линией. Пышные рыжие волосы стрижены диким каскадом и заплетены в косу. Большие каре-зеленые глаза. Правый пересекает узкий бледный шрам, разрубая бровь и доходящий до середины щеки, где поперек наслаивается еще один, совсем неболь-

шой. В зрачках нет блеска. Свет тонет в их строгой бархатистости.

– Сара... – с трепетом выдохнул я.

Она задержала на мне пустой, но пробирающий до самых костей взгляд и двинулась вперед по коридору, расправив плечи в идеальной осанке.

Я оглядел других протекторов, которых не узнавал. Может, мне и доводилось пересекаться с ними раньше, но сейчас они были готовы всадить мне в грудь клинок или пару пуль. Сильнейшие чувства вырывались из их душ, и страха там почти не было, только гнев.

Я был на охоте. Мальчик-сплит. А затем...

Пустота.

И чем больше я пытался вспомнить, тем страшнее эта бездна становилась. Что происходило неделю назад? Месяц? Сплошные обрывки.

По спине пробежали мурашки. Сердце загрохотало. Я мысленно собрал всю важную информацию.

Я – протектор. Новичок. Без знака. Мне почти девятнадцать. Или больше? Меньше?.. Сейчас конец ноября...

Они потащили меня вперед.

– Нет, погодите! Что все это значит?! Я же...

– Заткни пасть, – грозно прикрикнул протектор.

– Что происходит?!

– Тебя будут судить за совершенные преступления, – с внезапной холодностью заявила Сара. – Предательство Све-

та – страшнейшее из всех. И ты сполна за него ответишь.

Слова раскаленным ножом впились мне грудь. Я не поверил своим ушам.

– Какие преступления? Что я сделал?

Но Сара больше не отвечала. Меня поглотил бесконечный страх. Перед будущим или прошлым – я не знал. Все было подернуто мраком.

Глава II

Наш долг – хранить память

Несмотря на все свое величие, Архив часто пустовал. Если затаить дыхание, то было слышно потрескивание маленького солнца под далеким потолком, скрип огромных тяжелых дуг армиллярной сферы, вращающейся в центре зала. Казалось, шуршание книжных страниц тоже откуда-то раздавалось, а может, то был лишь сквозняк меж шкафов и витрин. Целые стеллажи томов и стеклянных инфор тянулись на много уровней вверх, к монументальным каменным сводам и карте созвездий на черном потолке.

Кто знает, сколько поколений протекторов наблюдали этот вид. Сколько из них проходили по этим массивным лестницам? Многие заглядывались на настенные фрески – их трудно не заметить. Запечатленные образы и мотивы были памятны до сих пор. Протекторы никогда не участвовали в реальных битвах и столкновениях между Тьмой и Светом, что разверзлись по ту сторону небес. Человеческая война имела меньший масштаб и меньших врагов. Но память о ключевых моментах истории Вселенной и Бесконечной войны была увековечена не только на страницах книг, но и на стенах Соларума. Верховные Тьмы и Света, битвы и губительные решения. Эра Зарождения, эра Рабства, эра Странствий... Миллиарды лет хроники, или миллионы Генезисов,

если говорить понятиями заоблачников. Историй, что никогда не кончаются, продолжаясь одна в другой.

Но Стефан пришел в Архив не ради них. Юноша сидел на обшарпанной лестнице, делая наброски колонн, закрученных спиралью. Стеф подозревал, что нужно было не прятаться от остальных в пустом Архиве, а сразу валить на Землю. Но он так долго шатался по заданиям и так зверски устал, что решил рискнуть и положиться на удачу.

Которая, кстати, себя не оправдала, потому как по Архиву разнесся звук быстрых шагов, после чего внизу, рядом с армиллярной сферой, возник человек. Он, точно орел, без всякого труда взглядом выцепил Стефа за толстыми перилами.

– Дерьмо... – проворчал Стефан, поняв, что тихо уползать за какой-нибудь шкаф уже бессмысленно.

– Ко мне. Живо.

Сказав это, Паскаль удалился так же стремительно, как и появился.

Прошло не меньше сорока минут, прежде чем его приказ был исполнен.

Стефан ненавидел бывать здесь – в этом нелепом большом кабинете Смотрителя, полном стекла и световых проекций. Дощатый пол был протерт до светлых пятен, на видном месте красовался обширный выжженный круг, который даже ковер был не в силах закрыть полностью (юноша понятия не имел, как возник этот круг, возгорание случилось до его появления в Соларуме). Все серое, сухое, с налетом

древности и смирения с судьбой. Сейчас, когда всем управлял Скорпион, комната смотрелась по-армейски вычищенной и безликой. Даже все запахи исчезли. Раньше в углу находилась световая статуя Верховной, замерший взгляд которой сверлил голову до самого мозга. Игра в гляделки с этой грозной и тонкой женщиной всегда казалась самым веселым из происходящего в комнате. Но сейчас Верховной на своем месте не нашлось. Над постаментом кружились бледные искры. Они слегка освещали Паскаля Фавро, сидящего за своим огромным рабочим столом. На улице была ночь, лампы щедро озаряли помещение, но вот вокруг Смотрителя точно сформировалась своя локальная тень. Пока Стефан сидел и ждал, собеседник что-то бодро записывал на стеклянную поверхность энегласса. Лицо у Паскаля было напряжено, как и обычно, точно он страдал несварением или изжогой. Сразу за его спиной располагалось витражное окно – единственное, что не отталкивало Стефана в кабинете Смотрителя. Изящно сделанное, яркое, сияющее. Внутри него, вокруг звезд, по линии кружились двенадцать главных созвездий, тринадцатое – нынешний Смотритель – сдвинулось в центр.

Стеф не переставал благодарить Вселенную, что Скорпиону давалась всего неделя. Начальник из него был крайне неприятный; он вечно всех понукал, заставлял работать сверх меры, выявлял любые нарушения. И провинившиеся огребали, порой очень сильно.

Попытавшись закурить, Стеф наткнулся на первый знак внимания.

– Нет, – сухо выдал Паскаль, не отвлекаясь от писанины.

Стефан покривился, убирая пачку сигарет. Он нарочито громко вздохнул и, сидя напротив Смотрителя, закинул ноги на угол стола.

– Убери.

– Давай ты уже скажешь, чего от меня хочешь, – устало предложил Стеф. – И тогда тебе не будет видно моих грязных сапог, а мне – тебя.

Скорпион еле заметно поморщился. Шрам на левой стороне лица привычно исказился, как и всякий раз, когда Паскаль начинал выходить из себя.

– Тебя не было на поминальной службе, – строго сказал он, поднимая глаза.

Стеф развел руками, снимая со стола ноги.

– Будем честными: меня не приглашали.

– Присутствие каждого было обязательным, ты знал это.

Паскаль тяжело откинулся на спинку кресла, сцепив руки замком. Он был молод, хоть и постарше Стефа. Скорпион постоянно хмурил густые светлые брови, отчего впалые глаза, казалось, всегда находились в тени. На широком лбу уже залегли морщины. Стефан не мог не признать, что новая должность этому индюку шла – прямая осанка, уверенный вид, взгляд пронзительный и надменный, такой, словно ты ему должен все до последнего гроша. Смотритель долго

оглядывал Стефа, и в этом читалась явная неприязнь, к слову, взаимная.

– Это просто дань уважения и памяти, – отмахнулся Стефан. – Настоящие похороны проходят за хрен знает сколько тысяч... миллионов миль отсюда. Это не мое дело.

– Это *наше* дело! – подчеркнул Паскаль. – Мы должны хранить память о ней. Это наш долг. Мы обязаны помнить все, каждое мгновение наших жизней, чтобы стать сильнее. Ты знаешь, насколько важным было это событие и что оно для нас теперь значит.

Оба, не сговариваясь, кротко глянули на место, где раньше стояла статуя Верховной. Все-таки без нее в кабинете стало мрачнее.

Похоронные церемонии – самое унылое и бесполезное мероприятие из всех возможных. Стеф не пришел на само действие, но стоял возле открытых ворот Усыпальницы, его бледное лицо пеплом покрывал теплый золотистый свет бесчисленного множества свечей. Он не заходил. Не хотел проходить это огромное расстояние, чтобы добраться до центра исполинского зала, примкнуть к люмен-протекторам и отдать последнюю дань памяти.

– Она не являлась частью моей жизни, как и твоей, – едко отметил Стеф. – Если хочешь наказать меня за то, что я неуважительно отношусь к далеким управленцам, которые плевать на меня хотели, то валяй.

– Ладно, – слишком уж непринужденно вздохнул Скорпи-

он и подался вперед, обращаясь к своему энерглассу. – Это мы опустим. К счастью, у нас есть более важные вопросы для обсуждения.

Из стекла вырвалась световая проекция. Стефан недовольно поморщился. Очередной чертов график.

– Так, посмотрим. – Паскаль начал пролистывать пункты с самым вдумчивым видом. – Ноябрь, декабрь, январь... Аха. – Он остановился и ткнул пальцем в дату. – Большой пропуск рабочего времени.

– Я брал отпуск.

– Ты брал его на неделю в первой половине февраля, а вернулся в середине марта. – Паскаль перевел на Стефа взгляд, тяжелый, как пара фур гранита. – Более того, ты пропустил свой срок Водолея как Смотрителя, который ложится на февральские и мартовские дни. Ты ушел от важной работы. И не только! За последние двенадцать лет после того знаменитого случая с падшими ты десять раз пропускал свой срок частично или полностью. По здоровью или из-за отпусков. Ты так боишься ответственности?

– Я никого не просил делать меня одним из Тринадцати, – огрызнулся Стефан. – Да и какая хренова разница? Никто меня все равно не слу...

– Ты должен был разбираться с делами, а не сбрасывать работу на других, ухудшая таким образом свое положение среди протекторов, которое и без того на самом дне. Змееносца долго отмазывал тебя от пропуска должности, – сухо

заметил он. – Иногда даже сам подменял. Коул слишком лояльно к тебе относится. Он давал тебе только сверхурочные задания, а не реальные наказания за столь серьезные проступки.

«Мерзкий ублюдок».

Пока Стеф зло постукивал ногой по полу, Скорпион спокойно открыл новые документы, сплошь помеченные красным.

– У тебя, оказывается, и по делам с вычищением Тьмы накопились огромные долги, – заявил Паскаль, указывая на красные пробелы в отчетах. – И все словно отпустили эту проблему. Мне думается, что остальным Смотрителям настолько до тебя нет дела, что они просто предпочли не вникать. Да и ты этим, видно, пользовался. Коул – твой последний друг среди протекторов, не знаю, зачем ему эти проблемы. Все были удивлены его мягкости в отношении тебя после твоего прокола, так что я не удивляюсь, что Змееносец и остальные грешки тебе помогает подтирать. Возможно, я бы и мог закрыть глаза на твое отлынивание от должности Смотрителя, но охота на Тьму...

«Начинается...»

– Мы должны искоренять ее, – с легкой угрозой произнес Паскаль. Он помрачнел. – Чего бы нам это ни стоило. И все это делают. Но ты считаешь себя особенным? Ты не понимаешь, что стоит нам дать слабину, и они уничтожат все?

Стефан уже слышал от него подобное миллион раз. Речи

Скорпиона не отличались разнообразием. Будь то обычный сплит или могущественный дэлар – какая разница? Главное уничтожить все темное, каким бы опасным и смертоносным оно ни было.

– И неужели думаешь, что ты такой незаменимый? – вдруг сказал Паскаль. – Незаменимых здесь нет. Уйдешь ты – на место Водолея придет другой. Если ты боишься уйти на поле боя, то тебе вполне могут обеспечить такую услугу в Соларуме.

До Стефа смысл сказанного дошел не сразу.

– Заткни пасть, – прорычал он, вставая. – Ты на что намекаешь?!

– Я только говорю о том, что нам не нужны те, кто не выполняет своего долга.

И тут он сам решил подняться. Паскаль был слегка выше Стефа и угрожающе оттенял его. Всякий бы мог стушеваться перед этим видом и его холодным, вдавливающим в пол взглядом, но не Стефан.

– Я и представить не могу, сколько людей погибло из-за твоей лени, – прошипел Скорпион, только сейчас обнажив свою злобу. От Стефа не укрылось, как тот яростно сжал кулаки. – Сколько душ лишились Света за эти годы! Но хуже всего то, что тебе даже не стыдно. Тебя никогда и не наказывали должным образом.

– И ты решил исполнить должность палача в этом деле?

– Не забывайся, Стефан, Мясником здесь называют тебя.

Внутри Стефа словно полыхнул фитиль. Ему нет дела до этой борьбы, нет дела до протекторов. Но Паскаль перегнул палку. Тот оставался непоколебимым, Стефа же бил жар ненависти. Если бы не разделяющий их стол, то, скорее всего, он бы взрезал Смотрителю по стальной роже.

«Почему они не могут просто оставить меня в покое?!»
– думал он.

– Знаешь, Стефан, в Соларуме смертную казнь назначали и за меньшее. Но когда-то ты был образцовым протектором, примером для многих. – В словах Паскаля звучала явная досада, точно Стеф его разочаровал. – Ты до сих пор один из лучших манипуляторов. У тебя огромный потенциал.

– Тебе-то что?

– Ты разлагаешься морально, это твое дело. Но ты не выполняешь работу, и от этого страдают приземленные, а это уже мое дело.

Тут он отвернулся и стал смотреть в витражное окно, в прозрачных стеклышках которого виднелся синий лес Соларума.

– Мы, люмен-протекторы, уже тысячи лет являемся оплотом между людскими душами и темными монстрами. Так постановили звезды, потому мы обязаны нести этот крест на себе, ведь больше некому.

– Спасибо за урок истории, – буркнул Стефан в сторону.

– Я просто дам тебе мотивацию. До конца моего правления осталось немного. И если ты не выполнишь мое задание,

я отниму у тебя восемь лет. Навсегда.

Стеф вздрогнул.

– Восемь? – поразился он.

– Скажи еще, что это слишком сильная мера, – хмыкнул Паскаль, возвращаясь к столу. Он снова сел и принялся писать в энергглассе.

Стефан же стоял как вкопанный, хмурясь и обдумывая свое нынешнее положение. За его проступки смертная кара была вполне верным решением, Паскаль был прав, – такое назначали и за меньшее. Тунеядцы тут не нужны. Но восемь лет памяти...

– Сядь, – приказал Паскаль.

Стефан раздраженно плюхнулся обратно, с ненавистью опалая глазами Смотрителя.

– Ты будешь посещать все собрания, все поминальные церемонии. Будешь выполнять недельную норму по уничтожению сплитов и других темных тварей, если они появятся. Я буду за тобой следить все грядущие двенадцать месяцев.

– Иначе что?

– Иначе через год, как только Солнце войдет в созвездие Скорпиона и мое правление вновь начнется, я отправлю твою душу в Обливион.

Стефан ухмыльнулся. Такая себе угроза. Другому она показалась бы ужасной, но Паскаль не ведал всего. Восемь лет памяти пока что выглядели более устрашающими, за них Стеф немного волновался.

Он выдохнул, беря себя в руки, после лениво потянулся.

– Ладно, хватит швыряться в меня угрозами и притворяться моей мамочкой, чего ты от меня хочешь? За мои восемь лет. Что я должен сделать такого унижительного в ближайшие дни?

И тут в дверь забарабанили. Не дожидаясь ответа Смотрителя, в комнату влетела Ламия – Близнецы. Она чуть не споткнулась о ковер, но быстро оправилась, отбрасывая черные волосы.

– Паскаль... – задыхаясь, выдала она.

– Я занят.

– Ты не поверишь! – воскликнула Ламия. В голосе слышался подозрительный восторг.

Пока она излагала ситуацию с присущим ей воодушевлением к самым необычным делам, Стефан хмурился все больше. Паскаль не отставал от него.

– Где он сейчас? – после недолгих раздумий спросил Скорпион.

– Сара увела его в карцер. Я бы хотела...

– Хорошо, – резко перебил ее Паскаль, поднимаясь со своего места.

Половицы скрипнули под его сапогами. Скорпион остановился посреди комнаты, обдумывая произошедшее.

– Скажи, чтобы его привели на суд.

Ламия удивленно захлопала глазами.

– Суд? Но это неразумно! Ты не хочешь, чтобы его для

начала обследовали в Манипуляционной? – Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. – Пожалуйста! Это же такой шанс! Где еще ты видел...

– Нет! – внезапно рявкнул Скорпион. – Никаких обследований! Нам требуется как можно скорее разобраться с ним, а потом от него избавиться!

– Но это же протектор... – растерянно вымолвила Ламия, поправляя очки.

– Больше нет, – пророкотал Скорпион. – Суд состоится через полчаса.

– Но не все из Тринадцати смогут прийти так скоро, – подал голос Стефан, – многие на заданиях.

Иногда он забывал, что все его утверждения могли быть интереснее для дерева, чем для протекторов. Никто на Стефа и внимания не обратил. Ламия удалилась, а Паскаль несколько раз обошел комнату в напряженном молчании. Мыслями он был далеко отсюда, может, даже лично разбирался с несчастным узником.

– Хочешь его казнить? – спросил Стефан без особого интереса.

– С тобой я разберусь позже, – сердито ответил Паскаль, забирая энерггласс и пряча его в рабочем поясе.

– И все-таки что с ним?

Паскаль, казалось, хотел сказать одно, но затем выдал:

– Ты его знаешь?

– Этого новенького? – Стеф фыркнул и пожал плечами. –

Скажу так: в личном общении он бы понравился тебе меньше меня.

– Знаю, говорил с ним пару раз. Неприятный тип. Высокомерный.

– Мне он показался эгоистичным засранцем. Слышал, указов он не выполняет, делает в основном то, что сам считает верным. Но я не думал, что с ним произойдет *такое*.

Паскаль напрягся.

– Возможно, это знак свыше. Удастся забить паршивую овцу раньше, чем она начнет вносить разлад в коллектив.

Стефану его настрой не нравился, хоть и защищать новичка не было желания.

– Пошли. – Паскаль открыл дверь в коридор. – Пора выяснить, что за темную тварь нам приволокли на порог.

Глава III

Мертвый для Света

Протекторы отворили тяжелые ворота, вводя меня в мрачное круглое помещение. Я смутно помнил его, словно видел в другой жизни. Зал собрания Тринадцати.

Все серое, сделанное из каменных плит. Наверху – ничем не освещенный, полный темноты купол. Вдоль стен висели синие знамена Света с серебряной звездой по центру. Сам зал делился на два уровня: нижний был предназначен для провинившегося, а верхний – для Тринадцати. Те из них, что пришли, почти поголовно носили синие мундиры. Они стояли на высоком помосте, среди тринадцати каменных трибун, выставленных в круг, и нависали надо мной мрачными угрожающими тенями. Если за трибуной находился человек, то синий диск на ней загорался уникальным символом. Протекторы не спускали с меня глаз. Я насчитал шесть присутствующих.

Разумеется, мне была знакома побледневшая Фри; она старалась выглядеть стойко и уверенно за трибуной Овна, но тем не менее не могла унять дрожь. Моя наставница, которая в обычной ситуации являлась сгустком оптимизма. Волосы у нее были пышные, недлинные, собранные в растрепанный хвост. Они имели красивый цвет красного дерева и на кончиках были выкрашены в пурпурный. Натянутые на лоб ра-

бочие очки не давали челке закрыть глаза, прежде полные задора и уверенности, в которых сейчас горела лишь паника.

При виде рыжей протекторши – Сары – все внутри сжалось, точно от озноба. Она как раз встала за одной из трибун, где тут же засиял символ Льва.

Протекторы еще раз проверили наручники, а затем запихнули меня в круг голубоватого барьера. Тронешь – и скорчишься на полу от страшной боли. Думалось, я знал это не понаслышке.

Когда обычные протекторы вышли, плотно закрыв за собой двери, темный зал погрузился в тишину. Я ничего не понимал и просто прирос к месту, обливаясь ледяным потом. Голова наполнилась плотным туманом. Я не помнил ни своего имени, ни вчерашнего дня, ни причины, по которой все смотрели на меня с такими сильными и отнюдь не положительными эмоциями. Но одно я прекрасно понимал. Дело было дрянь. Очень дрянь.

Внезапно от тени отделился протектор и направился к большой центральной трибуне, да так быстро, будто ждал этого момента. Как только он занял свое место, на диске зажегся знак Скорпиона. Стоя передо мной, молодой человек выглядел еще крупнее. Волосы цвета соломы, глубоко посаженные глаза, вокруг шеи повязан бордовый платок. Его лицо, состоящее из резких черт, было изуродовано двумя шрамами: один рваной линией пересекал рот и доходил почти до левого глаза, а второй, поменьше, расположился рядом. Ко-

гда протектор молчал, я видел краешек его верхних зубов, белеющих из щели в рассеченных губах. Высокий, статный, широкоплечий, закаленный во многих боях. Явный солдат. Такой, как он, наверняка с лишком выполнял свою квоту по устранению сплитов. Судя по его настрою, он искренне хотел покончить и со мной.

– Неправильно начинать мероприятие в таком составе, – строго сказала Сара.

Молодой человек pokrивился.

– Ты сама торопила этот суд, разве нет? – надменно осведомился он. – Мне казалось, мы все желаем решить дело как можно скорее.

– Я хочу, чтобы все было по правилам.

– Согласна с Паскалем, – спокойно вступила в разговор худая особа за трибуной Девы. – С проблемой Тьмы надо разбираться в кратчайшие сроки.

– Остальные все равно не придут, – проворчал Водолей, нервно постукивая пальцами по камню, словно изнемогая от нетерпения. – Рыбам и Весам это даром не надо. Змееносец, верно, снова где-то пашет. Давайте уже. Раньше начнем – быстрее закончим.

Стефано Феррари. Или Стефан – мне помнилось, что этот тип свое имя коверкал. Бледный, черноволосый, с колким взором янтарных глаз, который будто разрезал тебя пополам.

– Действительно, – кивнул Паскаль и холодно посмотрел на меня. – Почему мы не можем определить твои эфиры?

Что ты с собой сделал, Максимус Луцем?

Имя дробью ударило по ушам. Сердце гулко забилося в груди. Я был рад, но непроизвольно поморщился. Терпеть не мог свое полное имя.

– Что? – спросил я.

– Через окуляр никто не смог разглядеть в тебе ни Тьмы, ни Света. Это невозможно, если только ты не обложил себя некой защитой. Пытаешься спрятать от нас свое истинное лицо?

– За что вы меня судите? Я ничего не помню!

Лицо Скорпиона осталось неизменным. Я так хотел найти поддержку хоть в чьих-нибудь глазах, но только Фри, похоже, была полностью на моей стороне.

– Совсем ничего? – тихо уточнила Дева.

– Я... не знаю. – Каждое слово звучало неувереннее предыдущего, но зато крепи отчаяние и безысходность. – Кажется, я пытался спасти приземленного... Не могу вспомнить. Я... действительно многого не помню, не только это... Пожалуйста, поверьте мне!..

– Как я могу верить тому, кто осквернил свою душу, связавшись с Тьмой? – безжалостно поинтересовался Паскаль.

– Что я сделал?! – в отчаянии воскликнул я. – Объясните!

Но они не слушали. Никто не слушал. Для них я уже словно и не существовал.

– Как вы понимаете, ситуация слишком опасная. – Паскаль властно взмахнул рукой. – В воспоминаниях Сары, ко-

которые мы все видели, был не человек. Это злобное существо, порожденное мраком. И сейчас оно стоит перед нами. Бывший соратник – прогнивший, а значит, мертвый для нас. Мы не можем запятнать Тьмой имя люмен-протекторов. В мою вахту все должно быть идеально. На лишние разбирательства нет времени. – Он глубоко вздохнул. – Здесь поможет только полное выжигание души. Обливион будет самым верным решением.

Обливион. Это слово наводило ужас.

– Это же смертная казнь! Ты идиот! – Фри негодуяще подалась вперед. – Да как ты не видишь?! Он понимает и помнит! Макс – один из нас! Протекторов так мало!.. Нужно обследовать его и попытаться вернуть потерянные воспоминания! – Она в панике оглядела остальных. – Так нельзя!

– Замолкни! – грозно прорычал Паскаль. – Радуйся, что не стоишь на его месте. Ты послушалась прямого указа Смотрителя и отправилась помогать темному! Уговаривала протекторов увести его из Соларума!

– Я лишь хотела спасти его от тебя! – выпалила она. – Он бы вернулся и попал на справедливый суд через несколько дней, когда солнце перейдет в следующее созвездие и Смотритель сменится, а твоя мерзкая рожа грустно замаячит за другой трибуной!

– Да как ты...

Со стороны Близнецов донеслось наигранное покашливание. Ламия Казвини. Тонкая смуглая девица с темными, как

ночь, миндалевидными глазами. Ламия поправила очки – те были с кучей линз, помогающих в работе, но главное, выравнивали плохое зрение.

– Сбавь обороты, – быстро заговорила она. – Тут много несостыковок с природой наших врагов. Как он смог исчезнуть после встречи с Сарой? Почему эфир неразличим? Как вновь восстановилась душа? А если и не восстановилась, то по какой причине он ведет себя так осознанно? И почему в том месте, где его нашли, уровень Тьмы во много раз превышал уровень, который оставляют сплиты? Возможно, это еще один подарок от Шакары – лучше быть готовыми заранее. Ее новое опасное творение. Иной вид сплита! Вдруг нечто подобное повторится в будущем. Ты можешь отдать темного мне и Весам на опыты. Это пойдет на пользу протекторам. Мы будем с ним предельно осторожны...

– Но я не темный! – вырвалось у меня.

Паскаля передернуло, будто он и забыл, что я способен говорить.

– Ты не можешь утверждать подобного. Потому примешь свою судьбу.

– Какая к черту судьба?! – разозлился я. – Я не чувствую Тьмы!

Что-то серьезно переменялось в Паскале. Он рассвирепел.

– Да кто ты такой?! – Протектор так сильно сжал края трибуны, что костяшки пальцев побелели. – Сплиты не изле-

чивались тысячелетиями и вдруг ты стал исключением?! Ты просто лжец, марионетка Тьмы! Скажешь все, лишь бы запутать нас. Сначала темный, потом светлый? Нет ничего промежуточного, нет исключений! Есть лишь черное и белое. Тьма и Свет. Кто ты такой, чтобы ломать законы Вселенной?!

Я чувствовал все, каждую его эмоцию, яростными волнами выплескивающуюся из тела. Его душа пылала. Страхом? Нет, давно нет. Лютой, ломавшей логику ненавистью к любому проявлению Тьмы. Страх порождает злобу, а за ней приходит и смерть.

– Сплит? – ужаснулся я, вконец запутавшись. – Почему вы меня так называете? Сплиты неразумны!

– И они никогда не возвращаются в норму! Не желаю больше ничего слышать от темной твари. Никаких исследований, никаких «но» и «может быть». – Он вскинул подбородок. – Лживое отродье. Мы должны нести бремя, что возложили на нас звезды. Уничтожать Тьму, не давая ей проникнуть в чужие души. Только так. Ты мертв для Света.

Я резко подался вперед.

– Послушай, ты... – гневно вырвалось у меня.

Но тут барьер стремительно сжался, почти касаясь моей одежды и не оставляя свободного пространства. Я испуганно замер, чувствуя, как разряды энергии забегали по коже.

Паскаль выдержал напряженную паузу, а после поднял руку, сосредоточенно оглядывая остальных.

– Голосую за уничтожение осколков души.

Дева тоже подняла руку. Лев последовала за ней. Близицы и Стефан колебались, но в конце концов подали знак. Фри вцепилась в трибуну трясущимися от страха и злобы ладонями.

Время застыло, я даже чувствовал, как в воздухе замерла пыль. Внутри все перевернулось и полетело в пустоту. Все решилось. Пять знаков против одного.

Паскаль было успокоился, но тут ворота с шумом распахнулись.

– Так, а ну закрывайте этот цирк уродцев, – донеслось оттуда.

В том юноше было около двух метров. Худощавый, но широкоплечий. Он выглядел как идеал опрятности и интеллигентности – все выглажено, ни грязи, ни складок, будто собрался на светский раут. Светлые, слегка золотистые волосы уложены в безукоризненно гладкую прическу. Подбородок выдвинут вперед, глаза быстрые, а угловатое лицо подвижное и хитрое. Проще говоря, высокомерный и самоуверенный педант.

– Ты? – Паскаль исподлобья поглядел на вошедшего. – Простым знакам запрещено быть здесь. Это заседание для Тринадцати, а уж никак не для протектора под созвездием Волка.

– Да вы и без меня нарушаете парочку серьезных законов, друзья, – кисло отозвался блондин, быстро вскочив на помост. – Одним больше – одним меньше. Гулять так гулять!

– Дан, немедленно покинь Зал Тринадцати.

Тот встал за свободную трибуну, на которой тут же вспыхнул незнакомый мне символ, напоминавший клык, и лъстиво положил руку на сердце.

– Не мне тыкать законами, о великий и справедливый Смотритель, – вкрадчиво заговорил он, выжимая самую обязательную улыбку. – Но, как все мы знаем, протектор со знаком Стрельца давно почил, а новый пока не найден. А в таких случаях право говорить от имени отсутствующего Высшего дается самому надежному и квалифицированному протектору со скамьи запасных. А я тут квалифицированнее всех вас вместе взятых. – После чего хвастливо сообщил Паскалю: – Вообще я умный и недооцененный. И выше тебя. И одеваюсь лучше, пенечек.

– Даже если бы ты остался последним протектором из простых знаков, я все равно не дал бы тебе этого права, – прошипел тот.

– Зато я могу предоставить такую привилегию, – донеслось из открытых ворот.

Все протекторы разом вытянулись, увидев новоприбывшую. Каблуки сапог громко стучали о каменные плиты. Я не помнил эту женщину. Совсем. Но она была прекрасна. Форма Армии Света сидела на ней как влитая. Фасон одежды отличался от протекторской: казался утонченнее и богаче. Серебристый плащ лежал на левом плече, а на поясе висел клинок. Выющиеся локоны имели странный бледно-голубой

оттенок. Светлая, почти белая кожа, четко очерченные скулы и решительные серебристые глаза. Они блестели точно металл. Такой цвет принадлежал только одним существам во Вселенной.

Паскаль резко переменялся в лице.

– Мемора, тебе также нельзя здесь находиться. – Он старался говорить учтиво, но сквозивший в голосе яд все портил. – Хоть ты и звезда, посланная Люксорусом наблюдать за Землей от лица Верховной Света, но вмешиваться в собрания Тринадцати не имеешь права.

– Тринадцати? – фыркнул Дан. – Ох да, прости, я забыл, что математика для тебя непосильна. Раз уж мы заговорили о правилах, то начнем с того, что решение о казни и любых подобных развлечениях должны выносить *все* Высшие протекторы. Полным составом. Или хотя бы почти полным. Но вот что-то я не вижу ни Павла, ни Коула, ни Рамоны. Неужели спрятались? – поинтересовался он, заглядывая за пустые трибуны.

– Это правило можно обойти, когда наши жизни под угрозой, – не уступал Паскаль.

– И кто же твоей душонке угрожает? – Дан указал на меня. – Он? Ты смеешься? Дай этому задохлику кинжал, и он сам же об него и убьется, споткнувшись о камень!

У Паскаля дернулось веко.

– Не желаю слушать. Убирайся.

– Он никуда не пойдет, – спокойно, но твердо заявила

звезда, поравнявшись со мной. – Хотя я и не могу вмешиваться в решения Тринадцати, но все остальное – в моих полномочиях. Я также имею право назначить простого протектора на место ненайденного высшего, поэтому и выбрала Волка. Он вовремя оповестил меня о происходящем, чего вы, кстати, сделать не удосужились. Мне думалось, что важной задачей протекторов является сохранение жизней собратьев. Вас всего сотня на орды сплитов, не считая приземленных-адьютов, конечно. Что изменилось?

– Покажи нам еще раз. – Скорпион, сощурившись, обернулся к Саре.

Девушка со своего места создала большую круглую проекцию с записью памяти, которая зависла неподалеку от меня. То было ее прошлое, показанное от первого лица. Глаза – зеркало души, а значит, и воспоминаний.

– Я была на вызове, – пояснила Сара своим лишенным интонаций голосом. – И никак не ожидала столкнуться с подобным.

Проекция была почти черной, но я различил дорогу и яркие фонари. На тротуаре лежала тлеющая костяная маска сплита и остатки темной гнили. Полыхнул серебряный свет, и ошметки Тьмы исчезли, но затем раздался болезненный вой, от которого стало не по себе. Резкий поворот вправо. Черный силуэт стремительно отделился от тени и побежал прямо к Саре. Та отпрыгнула, выставив перед собой меч. Существо увернулось от удара и застыло на том месте, где

недавно разложился сплит. Сара выжидала, а тварь с характерным булькающим звуком медленно вышла на свет.

Казалось, земля подо мной сотряслась. Я похолодел.

Не может быть.

Это был я. Именно моя оболочка вышла под свет фонаря. Из-под синей формы сочилась темная гниль, лицо отвратительно исказилось из-за проступающей костяной маски, рвущей кожу. Я невольно коснулся собственной щеки, не в силах поверить, что та яростная тварь, вновь бросившаяся на Сару, была мной. Девушка отразила атаку и посмотрела в мое изуродованное лицо.

подавив тошноту, я заставил себя взглянуть в маслянисто-черные глаза. Бездумные, злые и голодные. Там не было и намека на душу. Сара устремила меч в живот чудища, которое когда-то было мной.

Неожиданно вспыхнуло белое свечение. Оно затмило все вокруг, а затем потухло, и я растворился в воздухе.

Шар исчез, и Паскаль надменно посмотрел на меня.

– Теперь вспомнил?

Я не находил слов. В горле застрял ком. Внутри что-то рухнуло, и я отчаянно пытался собрать осколки.

Мемора решительно закачала головой.

– Сейчас Максимус разумен. И я запрещаю казнить его на основании отсутствия на суде полного состава Тринадцати.

Паскаль сердито ударил кулаком о камень трибуны.

– Он может убить нас всех! Тьма не излечивается! Эта

тварь лжива и обманчива и только выжидает, чтобы напасть!

Дан утомленно прикрыл глаза ладонью.

– Всепроникающий Свет, как ты естественный отбор-то прошел?..

– Месяц за Полярным кругом. – Паскаль бесстрастно обернулся к нему. – Через шесть часов немедленно отправляешься в ссылку без возвращений в Соларум и послаблений следующих Смотрителей. Если ослушаешься, тебя лишат десяти лет воспоминаний.

– На север? – удивился Дан. – Но я там помру со скуки!

– Очень надеюсь. Скажи спасибо, что я отправляю тебя не в горячую точку. – Паскаль вернулся к Меморе и задумчиво нахмурил лоб. – Ладно, так значит, казнить его ради нашей же безопасности нельзя.

– Нет, – подтвердила звезда и впервые взглянула мне в глаза. На сердце тут же потеплело. – Но и отвернуться от случившегося мы не можем. Естественно, его будут держать под стражей, но, пока вы не соберете полный круг Тринадцати, все силы будут брошены на то, чтобы понять, что же с ним произошло и как все исправить.

– Так, может, пока проведем обнуление? – предложила Ламия. – Если это не поможет, то хотя бы обезопасит нас.

Почти всех охватило замешательство.

– Вряд ли мы его спасем. В нем по какой-то причине не видно ни светлого, ни темного эфира. Это необычно. Он будто то ли защищен, то ли, что невозможно, – пуст. Но я увере-

на, проведя тесты, мы сможем понять причину этой аномалии. Если сделаем обнуление памяти, то эфиры могут вернуться в норму. Обычно сплитам это не помогает, но раз Максимус разумен, то крохотный шанс есть. Почему бы не воспользоваться им, а не рубить сплеча?

Это звучало как разумное решение, и я почти воспрянул духом, но Дан потрясенно воскликнул:

– Не смейте! Нет, проводить эту процедуру нельзя ни в коем случае! Она обновляет не только эфир, но и всю душу. Вы сотрете не просто его воспоминания, но и саму личность. Человек без прошлого, оно вам надо?

Лицо Меморы исказилось. Она хмуро оглядела меня.

– На такое пойти мы тоже не можем.

– Но, как верно подмечено, ты не можешь вмешиваться в решения Тринадцати, – заявил Паскаль. – Это не казнь, хватит и половины Высших. А благодаря твоему посланнику нас уж точно больше половины, так что все законно.

– Я ничего не вспомню? – через силу выдавил я. В ушах нарастал звон. – Перестану быть собой?

– Но зато не умрешь. – Он развел руками. – По крайней мере сейчас. Мы подождем, когда соберутся все Тринадцать, и проведем повторный суд. А пока сделаем все возможное, чтобы до того момента обезопасить других.

Память. Мысли. Крупицы, из которых состояла личность. Я видел это воочию и понимал, что нет ничего хуже, чем потерять все в одночасье.

– Нет... нет, лучше убейте.

– Поверь, я был бы рад исполнить твоё желание, но мои руки связаны. – Паскаль закрыл глаза. – Смотритель вынес решение. И видит Вселенная, оно неоспоримо. Да будет Свет вечен!

Фри было запротестовала, но Паскаль уже спустился вниз и, не глядя на меня, прошёл к выходу. Кто-то громко говорил, кто-то шептался. Я был в таком потрясении, что даже не заметил, как барьер исчез и чья-то рука в белой перчатке легла мне на плечо и повела меня прочь из зала.

Это была Мемора. Я не мог произнести и слова, боясь разрушить вакуум, образовавшийся в голове. Она была звездой – могущественным созданием, чья раса крушила планеты и галактики. Но я не чувствовал опасности. Ей хотелось доверять.

Мемора задержала на мне долгий тяжёлый взор, и я всем сердцем желал услышать от неё обещания помочь, слова поддержки или просто увидеть её улыбку. Однако, когда она разомкнула бледные губы, от бездушных серых стен эхом отлетело только:

– Мне очень жаль.

Глава IV

На самом дне

Верховная Света умерла.

Довольно громкое событие, отрицать не стоит.

Об этом говорили повсюду: во всех уголках за небесами и даже в таком захудалом и незаметном месте, как Земля. Стефан уже неделю только об этом и слышал. Протекторы жужжали не переставая. Великая хранительница светлых существ, населяющих каждую префектуру Вселенной. Все спешили отдать ей дань памяти, ведь так принято, так нужно.

Всем всегда что-то нужно.

Стеф сидел на каменной стене забора и курил, под ногами темнело море. Несколько пришвартованных лодок изредка тихо стучались о причал, когда накатывала волна. Пахло гадко, какой-то затхлостью, Стефан уже давно отвык от подобного, да и не скучал. Напротив сияли огни города, расположившегося на островах, точно пожар на водной глади. Там даже ночью кипела жизнь, не то что на его стороне. Тут лишь несколько вялых фонарей да где-то за стенами бродил охранник, который, даже если бы и увидел ночного гостя в упор, все равно бы не обратил внимания. Поэтому Стефан спокойно и устало поглядывал то на город, то на блеклые звезды ночного неба и еще реже – на золотые карманные часы, которые он держал в руке нетвердо, словно не решаясь

отпустить их в могилу мрачных вод.

Здесь было спокойно, слышался лишь шум волн. Никаких заданий или волнений по поводу высокопоставленных заоблачников. Никакой ерунды со Светом и Тьмой. Все как раньше. Как до всего этого. До протекторства.

– К черту, – сквозь зубы произнес юноша и встал.

В спине хрустнуло, и Стеф, кряхтя, выругался. Да, на двадцать два года он себя уже давно не чувствовал, особенно после того как его на недавнем задании впечатали в стену.

Стефан скинул окурок сигареты в воду к остальному мусору, прибитому к причалу, натянул на себя мундир и с тяжелым сердцем упрятал во внутренний карман часы. Каждый год в это время они словно становились тяжелее, придавливая его к земле, туда, где он уже давно должен был лежать.

Пока протектор брел по пирсу к воротам, все больше мрачней с каждым шагом, он и не заметил, как по воде побежала рябь. Только когда из-под ее толщи брызнул золотистый свет, Стефан уловил это краем глаза и замер.

«Иди дальше, просто иди дальше, к хренам все это, – думал он, стоя в кромешной тени, отбрасываемой воротами. – Не до этого».

Ненавидя себя немного больше, чем обычно, Стеф с раздражением потянулся к пистолету на поясе и медленно шагнул к краю пирса, глядя на бурлящую воду. В голове метались догадки о природе увиденного, одна поганее другой, но оправдалась самая худшая. Из воды вырвалась светящаяся

нить, оплелась вокруг сапога и резко потащила Стефа на себя – прямо в морские волны. Стефан брыкался, но бесполезно – его уже схватили другие нити. Он только и успел, что задержать воздух в легких, прежде чем грохнуться вниз. Громкий хлопок – и ледяная вода окутала его, забила в уши. Стеф барахтался, пытаясь отбиться от нитей, но тщетно: те опутывали его сильнее и крепче, мешая двигаться. Вода мигом попала в нос, парень захлебнулся. Ничего не видно, лишь мусор, пузыри и ветки. Стефан продолжал вырываться, он знал: бывают смерти и похуже, и все-таки сдохнуть на дне вонючего грязного моря в компании пластика и гнилых водорослей – полный финиш. У него еще оставалось немного самоуважения, а потому он не мог допустить подобного.

Внизу зияла чернота, а наверху стремительно угасал свет и лишь призрачно очерчивались днища лодок. Только золотился свет нитей. И близился покой.

Его выбросило на каменные ступени. Отбив все бока и распластавшись на голой земле, Стефан сплюнул воду и зашелся в сильнейшем кашле. Ему казалось, что он никогда не избавится от этого мерзкого соленого привкуса во рту.

– Вот дерьмо, – озлобленно вырвалось у него через кашель.

Отбросив с глаз налипшие волосы, юноша стремительно огляделся и увидел то, что и ожидал, – большое зеркало с молочно-бледным стеклом, из которого он и вывалился. Оно стояло так, что свет луны и звезд прямо падал на его поверх-

ность.

– О, ну наконец-то, – нетерпеливо выдохнул некто.

Стефан раздраженно покосился на фигуру, взволнованно мерившую шагами пустырь неподалеку.

– Обливион тебя поглотит, ты еще кто? – хрипло спросил Стеф.

Он сел поперек лужи, среди принесенных вместе с ним склизких водорослей и двух мелких рыбешек, из последних сил бившихся об пол. Сам Стефан был весь промокший, в ветках и хрустевшем на зубах иле.

Вокруг раскинулся редкий лес, неподалеку виднелись освещенные крыши строений, явно неземного типа. Скорее всего, одно из заоблачных поселений где-то в Европе. По сторонам громоздились каменные столпы, точно лес продолжался в статуях. Незнакомец находился в тени, но и так можно было легко рассмотреть его ярко-красные глаза.

Он приблизился; Стефан даже не дрогнул, хотя стоило бы. Не каждый день его похищали при помощи таких сильных манипуляций с пространством. Протектор мигом узнал форму «Белого луча» – темная, со стальными вставками, оплетенная ремнями тут и там. Заоблачник откинул капюшон и расстегнул воротник, давая оглядеть свое лицо, которое Стеф тут же и узнал. Кожа желто-серая, с парой бурых полос, волосы цвета серы, того же оттенка и паутина пятен, распространившихся по всей левой щеке. Скулы и нос острые, лоб широкий, сам заоблачник выглядел довольно молодым

и поджарым. Глаза вечно уставшие, словно Вселенная никак не хотела дать ему времени на здоровый сон. Радужки, как и у всех прочих планетаров, ярко-алые.

– Меркурий? – поперхнулся Стеф. – Ты какого хрена творишь?

– Приношу извинения, – не очень-то виновато сказал заоблачник. – По-другому ты вряд ли бы пришел.

– Ох, ну да, – заворчал Стефан, сгребая с волос шматок водорослей и поднимаясь. – Ты мог выцепить меня из любого зеркала, из окна или, чтоб его, любого другого отражения под лунным светом! Но ты вытащил меня из этой склизкой лужи, серьезно?

– Не моя вина, что возле зеркал ты бываешь редко, – спокойно ответил Меркурий, проходя мимо статуй.

Стефан раздраженно вздохнул.

– Выловить тебя было не так уж и сложно, кстати, – добавил планетар. – Ты не ставишь на себя защиту.

– Потому что меня не каждый день пытаются похитить заоблачники! – зло воскликнул юноша, доставая из кармана сигареты

– Эквилибрумы, – поморщившись, поправил его собеседник.

– Ну еще расистом меня назови, – буркнул Стеф и убрал пачку назад, обнаружив, что она промокла насквозь. – Так к чему такая секретность? Мог бы написать, а не тащить меня к черту на рога. Или в Соларум зайти.

– Я хотел, но мне не разрешили.

– Вот как? – Стеф скептически вскинул бровь. – Слушай, это, конечно, роскошно и все такое, но...

– Стефан, – резко перебил его Меркурий, угрожающе сверкнув глазами. – Заткнись.

Стеф устало взмахнул руками, как бы приглашая планетара начать рассказ, а сам сел на валун. Думалось, что Меркурий взволнован, хоть он упорно не хотел того показывать. А эмоции в этом заоблачнике протектор уже научился определять – недаром они столько лет проигрывали друг другу ценсумы и прочие ценные вещи в карты.

– Кое-что случилось, – наконец заявил заоблачник, продолжив расхаживать в разные стороны. – Скажи, у вас в Соларуме не происходило ничего странного?

Стефан поперхнулся от смеха.

– Мы, мать твою, люди, пытающиеся Светом звезд убивать темных тварей, а еще я прямо сейчас общаюсь с небесным телом. Что из этого страннее, уточни?

Меркурий раздраженно прищурился.

– У меня сейчас нет на это времени. Говори прямо, Водолей, я вам пытаюсь помочь.

– Да все как обычно! На той неделе вон сожрали еще десять приземленных. Вычистили небольшую котловину в Барселоне. Скорпион снова играет в начальника и бесит всех своим присутствием. Волк наконец чуть не помер от собственной глупости. Кому-то ногу оторвало, не знаю. Ничего

особо выделяющегося, что могло бы тебя заинтересовать.

Меркурий отвел глаза к далеким крышам поселения и натужно вздохнул.

– Ну, тогда у нас проблемы. В основном у вас, но все же.

– Это ты сейчас о чем вообще?

Планетар остановился. Он постоянно казался напряженным, Стеф никогда не видел его расслабленным, он каждую минуту был словно начеку, в ожидании удара. Рядом с ним, вокруг статуй бегали небольшие полупрозрачные твари из Света, напоминающие грызунов с оперением, – люминосы. Вблизи поселений заоблачников их водилось больше всего, хоть тут они и были крохотными в сравнении с исполинами, которые ходили где-то далеко за пределами Солнечной системы. Здесь же люминосы резво подбегали к освещенному пространству и лапками добывали из воздуха крупички света, тут же без остатка съедая собранное. Стефу они казались просто мелкими паразитами, уничтожавшими светлый эфир, которого и без того было не особо много. Ему отчаянно хотелось пнуть одного.

– У нас кое-что пропало, – мрачно сообщил Меркурий. – И кое-кто из верхов считает, что в этом замешаны люмен-протекторы.

– То есть что-то украли? – удивленно уточнил Стеф. – У вас? Да «Белый луч» – это гребаный бункер, вы для того и отстроили отдел на Земле, чтобы хранить свою нелегалыщину, разве нет?

– У всех бывают просчеты в системе.

Он достал энергглас и создал на нем проекцию-изображение. Стефан взгляделся в появившееся лицо и обомлел.

– Только не говори, что вы подозреваете этого идиота.

– Знаешь его? – нахмурился Меркурий.

– Ну, так... – Стеф пожал плечами, стараясь не выдавать смятения. – Он новенький, вроде всего пару месяцев с нами. Я мало с ним знаком. Странный тип. На вид вроде нормальный, но слишком много о себе думает.

– Как давно ты его видел?

– Думаешь, я помню? Я не нянька, к тому же у меня плохо с социализацией в общей своре, сам прекрасно знаешь.

Стефан врал без зазрения совести, быстро обдумывая новую информацию. Получалось, что Шакара и ее взвод падших с Максом замешаны не были – на поле играли куда более серьезные ребята. Не стоило говорить Меркурию о суде и о состоянии Максимуса, мало ли что тогда будет. Но что же до недомерка? Какую дрянь он мог выцепить в «Белом луче», что на какое-то время стал сплитом?

– Нам сейчас запрещено спрашивать вас об этом, – признался планетар. – Я с тобой говорю лишь потому, что не хочу кровопролития.

– Погоди, что? – Стеф даже встал от услышанного. – Этот парень у нас и полугода не работает, как ты вообще себе представляешь его проникновение в «Белый луч» – организацию, которая столько времени умудряется ускользать от

судов Светлой и Темной армий, будучи самой скрытной и неприступной в мире?

– Ему помогали изнутри. Знаю только то, что украли нечто невероятно ценное и довольно разрушительное. В связи с этим один из глав «Белого луча» уже прибыл на Землю.

Стефан издал тихий хрип, точно ощутил физическую боль от услышанного.

– Опаленный? – предположил он, надеясь на ошибку.

– Именно. Он же ответственный за это отделение.

– Тарт, – выругался Стеф, глазами ища в небе ту самую оранжевую звезду, приход которой мог обернуться для Земли большими бедами. – Самый разыскиваемый эквилибрум в этой префектуре, да вы издеваетесь. Он с ума сошел тащиться на населенную приземленными планету? Его же здесь скрутить могут.

Меркурий понимающе качнул головой и тоже уставился на звезды. Может, он искал там свое собственное небесное тело.

– Пока вся Вселенная в суматохе из-за смерти Оттаны Устремленной – пусть ее дальнейший путь будет легок, – Опаленный решил рискнуть. Дело это настолько важное, что он плюнул на самосохранение, а потому теперь сидит в нашем отделении «Белого луча» и чрезвычайно ждет от нас положительных результатов. Как ты мог догадаться, Опаленного ничего в этом мире особо не трогает, но тут...

– Чернолюб, – фыркнул Стефан, вспомнив позорный яр-

лык, который постоянно цепляли на того эквилибрума. – Если кто-то из Светлой армии узнает, что он здесь, они начнут крушить все подряд, только бы отловить этого ублюдка. И плевать на жизни приземленных.

– Поверь, он сам не хочет в Червоточину, – заверил его Меркурий. – Потому такая секретность, в том числе и вокруг украденного. Я действительно не знаю, что это, – не мой уровень доступа. Но будет еще хуже, если о нем узнают Армии.

Стефану ситуация нравилась все меньше. Любой повод, по которому эквилибрумы обращали внимание на Землю, не мог обернуться ничем хорошим.

– Просто имей в виду, наш начальник пойдет на многое, лишь бы вернуть то, что у него украли, – добавил заоблачник. – Он наверняка думает, что все люмен-протекторы в сговоре, а потому может пойти на убийство протекторов и приземленных. В худшем случае обо всем узнают Армии, и тогда начнется бойня. Поэтому лучше провести все тихо.

Стефу хотелось огрызнуться на такое заявление, но он проглотил едкие слова, прекрасно понимая, что Опаленный и правда способен пойти на многое. Не зря же его искали и Свет, и Тьма. Тот, кто без зазрения совести продает не только опасное оружие, но и души, вряд ли привык уходить ни с чем.

– И что ты хочешь? – с вызовом спросил Стефан, обращаясь к Меркурию. – Чтобы я сдал вам своего? Вы же там его прикончите!

– Это было бы довольно любезно с твоей стороны. Я знаю, что тебе неприятно об этом думать. – В голосе Меркурия послышалось неожиданное сочувствие. – О смерти брата по оружию. В связи с твоим прошлым...

– Ой, замолкни, – оцетинился Стеф.

– Но мне тоже неприятна эта ситуация, – заявил планетар. – Мне нравится эта планета, и вы – протекторы – не плохие души. Но дела обстоят так: либо вы помогаете нам отыскать этого приземленного и он рассказывает все, что знает, либо будет много жертв.

Стефан вдохнул ночной воздух полной грудью. Только сейчас он заметил, насколько же здесь свежо.

– Мы не приземленные, Меркурий, мы люди. И кто из нас еще расист?

– Так ты сообщишь, если что-нибудь узнаешь? – нахмурился планетар.

– Я подумаю. – Стеф принялся рыться в отделениях своего рабочего пояса.

– Ты же понимаешь, что стоит на весах...

– Я же сказал, что подумаю! – огрызнулся Стефан, доставая склянку с фиолетовым порошком. – Как что будет – пришлю сообщение, чего и тебе советую. Только попробуй, блин, снова меня так вызвать! А пока старайся держать своего Чернолюба подальше от Светлой армии, нам тут на Земле ваши заоблачные разборки даром не нужны. – Протектор наступил на склянку. – Не хворай.

Его овеял густой лиловый дым, полный искр и вихрей, после чего он исчез, оставив Меркурия в одиночестве.

Снова волны.

Пирс и ворота. Островок, окруженный каменной стеной. Земля мертвых напротив огней жизни Венеции. Кладбище Сан-Микеле. Стеф посмотрел на мрачный вход. Похоже, в этом году придется ненадолго отложить поход в это место.

Сейчас было не до того.

Если он сдаст новичка Опаленному, то того запытают и прикончат. Воровать у «Белого луча»?.. Лучше сразу глотнуть серной кислоты. Макс – крыса и ублюдок, но живой ублюдок. Человек. Мысли даже о косвенном убийстве людей вызывали у Стефа дрожь. Но если он не сдаст Макса – головы протекторов полетят одна за другой, в этом можно было не сомневаться.

Стефан продолжал ходить по пирсу, а волны вокруг, казалось, шипели все громче. Подул крепчающий ветер, на небе сгустились тучи.

Максимус... Какие родители в здравом уме вообще называют так ребенка?

Надо сдавать. Хочешь или не хочешь – но надо. Стеф возненавидел себя за эту мысль как никогда, но нельзя подставлять всех. Его беспокоила и мысль, что Макс заявлял о повреждении памяти. При том, что он пережил, поверить в подобное было легко, несмотря на все заявления Паскаля о лжи. Вот только сможет ли тогда новенький рассказать хоть

что-то толковое в «Белом луче»?

Тут он остановился от внезапно налетевшей мысли, точно споткнулся об нее. После чего во весь голос выругался. Максимуса собирались обнулять. Переубеждать Паскаля в таких делах – все равно что голыми руками поднимать валун со дна океана. К тому же если Стеф начнет протестовать, то огребет. Паскаль и так грозился забрать у него годы жизни. Стефан злился все сильнее.

«Ну почему, почему меня никак не оставят в покое?.. — сокрушался он. — Почему это не расхлебывают другие, вроде Дана или...»

И тут его осенило. Стефан раздумывал над этой мыслью так усиленно, что даже не сразу заметил, как карман его рабочего пояса засветился. На энерггласс пришло сообщение. Поначалу Стеф по привычке начал раздражаться на очередной указ, но затем заключил, что так даже лучше.

Заморосил мелкий дождь; Стефан подставил ему лицо и страдальчески вздохнул.

Этот день уже казался ему бесконечным.

* * *

Обойдя все секции тренировочного зала, он нашел единственного посетителя только в последнем. Там, где и ожидал ее найти.

Фри остервенело рубила человекоподобную мишень

клинком. Ее волосы растрепались сильнее обычного, мундир и пояс валялись возле ограждения. Рукава свитера закатаны – Стефан с прищуром оглядел шрамы, которые обильно покрывали тело любого протектора, но на этой девушке казались неестественными. Он никогда не переставал думать, что Фри, несмотря на ее воинственный нрав, не была создана для этого мира – настоящего мира, со Светом и Тьмой. Слишком много схваток, боли и смертей. Но вот она здесь – с перекошенным от злобы лицом рубит несчастное полупрозрачное чучело, которое вскоре не вытерпело такого напора и разлетелось тысячей белых искр. Фри могла выбрать любую настройку – придать мишени привычный образ сплита, заставить ее двигаться с любой скоростью, чтобы прокачать свои навыки, – но вместо этого перед ней вновь возник твердо стоящий безликий человек. Наверняка Фри злило, что этой штуке нельзя приделать лицо Паскаля. Приходилось ограничиваться богатым воображением.

Фри размяла кисти рук, собираясь нанести новый удар.

– Ты так доверяешь этому поганцу? – спросил Стефан.

Девушка вздрогнула, после чего резко обернулась. Стеф видел – она удивлена, что он к ней обратился. Давно такого не было, очень давно.

– Он это заслужил, – пренебрежительно фыркнула она, сжимая в руках серебряный клинок.

– Скажи это еще раз, и я тебе поверю. – Стеф пожал плечами. – Я видел, как он мешал тебя с грязью. Такое себе бы-

ло зрелище, точно избивание беспомощных младенцев.

– Мне твоя компания не нужна, – с плохо скрытым раздражением выпалила она. – Если снова пришел оскорблять, то проваливай.

Снова.

Она не забыла.

– Никаких оскорблений. Просто интересно. Почему ты так упорно хотела вытащить своего негодного ученика?

Девушка отвернулась и еще пару раз рубанула по бедной мишени. Стеф понадеялся, что она не представляет там его.

– А я вытащу, – с вызовом заявила она. – Просто пока не знаю как. Думаю.

Несмотря на все сильные стороны Фри, порой она думала очень долго, и сейчас Стефу это было не на руку. Но вот ее желание – оно было главным.

– Что вы все в нем такого нашли? Ты и Дан.

– Тебе-то какая разница? – огрызнулась Фри, резко обернувшись. – Тебе никогда ни до чего нет дела. А мне есть. Он – моя ответственность. Я должна помочь ему. В отличие от некоторых, у него еще есть шанс.

– Ну-ну, – скучающе протянул Стеф, оглядываясь. – Паскаль приказал мне его охранять.

Она снова принялась за чучело, показывая, что разговор окончен. Какой-то мерзкий червячок обиды бурил железную безучастность Стефа при виде спины Фри. Все-таки иногда ему было неприятно видеть, насколько же сильно люди не

желали с ним говорить.

– Паскаль не хочет, чтобы кто-то вроде Дана шатался в карцере. Бойтся, что тот попортит все дело.

Фри медленно повернулась. Она окинула Стефа подозрительным взглядом.

– Зачем ему туда ходить?

– Ну, мало ли. Вдруг отправит Максимуса на проверку и докажет его невиновность. И от Дана можно всякого ожидать. А Паскаль тянуть не любит, все-таки скоро Смотрителем станет кто-то другой, кто вряд ли оставит указ об обнулении в силе.

Переваривая услышанное, Фри отвела глаза. Стефан же обливался ледяным потом. Все зависело от того, догадливали Фри в нужной ему степени, иначе придется обдумывать более хитроумный план, и быстро – обнуление новенького не за горами.

Тут Фри засобиравалась. Она подхватила пожитки, перепрыгнула через ограждение и пошла к выходу, не удостоив Стефана даже взглядом на прощанье. Стоило ей скрыться, как он облегченно выдохнул. Главное, чтобы Фри пришла нужная мысль. Безумия ей и Дану непременно хватит. Тогда это уже не его забота, а их. Теперь Стефан беспокоился лишь об одном: насколько больно ему будет, когда все случится?

Глава V

Общими силами

Меня поместили в карцер – неприятную белую комнату, от яркого освещения которой резало глаза. Наручники не сняли, они жгли запястья каждый раз, когда я пытался раздвинуть руки. В помещении не было ничего, кроме стальной скамьи и еле зримого барьера, который должен был отделять мою часть комнаты от надзирателя. Я беспокойно мерил пространство шагами, не останавливаясь ни на минуту. Мысли бегали с места на место, словно блохи перепрыгивая образовавшиеся провалы.

Вскоре должна была прийти Ламия. Она намеревалась взять кровь и эфир на анализы. Мысль о том, что протекторы не могли определить меня, не давала покоя. Эфирный след различим у каждого, даже на самых примитивных проверках. Я не переставал думать об этом, старался логически разложить все на составляющие, найти рациональное объяснение произошедшему, но не мог. Потому что забыл большинство законов Эквилибриса. Я понимал, что изучал их, но что толку, если и это у меня забрали?

Вспоминай, Макс, вспоминай.

Я был сплитом, это неоспоримо. Главным врагом протекторов (более высокие ранги темных нам не по зубам). Сплитами их принято называть на языке эквилибрумов –

это значит «раскол». Существа, у которых раскололась душа. Моя душа была разрушена, более того – наполнена Тьмой. У приземленных души состоят из равного количества Света и Тьмы. Протекторы, хоть и тоже приземленные, благодаря силе звезд подавляют в себе Тьму до жалких процентов, так что в нас ее, считай, и нет. Как же тогда я пал? Как умудрился расколоть душу до подобного безумия и стать тем, на кого мы – люмен-протекторы – охотились тысячелетиями? Но главное, каким образом мне вновь удалось стать человеком? За всю историю не случалось прецедентов подобному излечению! И что, если я не вернулся в норму полностью?

– Прекрати маячить и сядь!

Надзиратель. Им, словно мне и так было недостаточно бед, оказался Стефан. На вид ему было лет двадцать, а то и чуть больше. По обыкновению неопрятный – мятая черная рубашка, форма в грязи; высокий – чуть выше меня. Мраморное лицо, на котором легко читалась каждая эмоция, оказалось омрачено усталостью и отвращением. Всклоченные волосы блестели на свету, открывая бледный лоб.

Юноша сидел в углу, по ту сторону барьера, прислонив спинку стула к стене, и балансировал на двух его ножках. Он одарил меня порцией презрения, после чего вернулся к книге.

– Паскаль сказал, когда меня обнулят?

К моему удивлению, Стеф вопрос не проигнорировал, хоть и не оторвался от чтива.

– Ровно через сутки, – проворчал он. – Столько времени он дал цирку из манипуляционного отдела на эксперименты. Те еще свято верят, что в тебе есть что-то светлое.

– А ты?

– Что? – Стеф бросил на меня рассерженный взгляд поверх книги.

– Ты считаешь, что во мне есть Свет? – напрямик поинтересовался я. – В отличие от остальных двух бугаев, ты остался сторожить меня тут, а не за дверью. Не думаю, что тебе было бы приятно находиться с темным в одной комнате. Даже при наличии барьера.

– Я считаю, что ты создаешь для меня отвратительную кучу проблем, – буркнул Стефан, переворачивая страницу. – Мне в любом случае тошно тут торчать. Просто я не люблю неожиданностей. Да и Паскаль на меня обозлился, потому и отправил сюда. Но светлый ты или темный – плевать. Выкинешь глупость, и я тебе что-нибудь прострелю.

Сомнений в том не было: к рабочему поясу Стефа всегда крепились несколько контейнеров с сияющими сферами светозарного огня, а в набедренной кобуре лежал пистолет, заряженный как пулями, так и заключенным в шар огнем.

За стеной слышалась какая-то возня. Стеф оторвался от книги. Внезапно дверь гулко отворилась.

– Да я на минуту! Убери руки! – Дан ловко увернулся от стоявшего снаружи адьюта. – Я тебя запомнил!

И тут же захлопнул дверь обратно. После, довольно поти-

рая ладони, он обернулся к нам.

– Ну, как у вас тут дела? – спросил Дан с энтузиазмом.

– Ты что здесь забыл? – напрягшись, грубо спросил Стефан.

– Как будто я не имею права тут быть.

– Вообще-то не имеешь, – веско заметил Водолей, хмуря черные брови. – Давай вали отсюда. Когда твоя рожа в поле зрения, ничего хорошего не происходит.

– Простое совпадение.

– Даже тот взрыв на четвертом этаже?

– Я уже сто раз говорил, что та манипуляция, создавшая газ, сама упала со стола! – возмутился Дан и встал напротив меня перед барьером. Он тяжело вздохнул. – Даже не представляю, каково тебе тут сидеть в обществе подобного зануды. Прости, мне тебя стеречь не дали. Каким бы обаятельным и логичным я ни был, но Паскалю я почему-то не нравлюсь.

– Как и доброй половине Соларума, – процедил Стеф.

– Смею не согласиться!

– Выметайся отсюда! У меня есть полное право стрелять в тебя.

– Будто попадешь, – надменно хмыкнул Дан, не глядя в его сторону. – А вообще меня прислали из манипуляционного отдела, так что все по правилам.

– Тебя допустили? – В голосе Водолея скользнуло недоверие. Руки от пистолета он не убирал. – Паскаль бы ни за что

не позволил. Этот баран всегда стоит на своем.

– Но Манипуляционная работает отдельно от Смотрителя, – улыбнулся ему Дан, проходя вдоль белых стен. – Лучшие умы люмен-протекторов. Ты бы тоже мог оказаться среди нас, не будь столь ленив. Манипуляции делаешь прекрасно, разве что мне уступаешь. Но, как бы я ни старался...

– Может, хватит говорить со мной как с учеником? – Стефан злобно сверкнул глазами.

Неожиданно Дан выхватил у него книгу и быстро перебрал страницы.

– Желторотый, – усмехнулся тот. – Лучше бы из Архива чего почитал, ума хоть и не прибавится, но попытка будет засчитана.

– Погорелец, – огрызнулся в ответ протектор, забирая книгу назад. – Так чего приперся?

– Хотел навестить нашего заключенного. Надо же вселить в него уверенность.

– Ну да, успокаивать человека перед обнулением... Может, еще пойдешь к смертельно больным – рассказывать, как прекрасна полноценная жизнь?

– Не с нашей работой о таком рассказывать.

Эти слова спустили меня с небес на землю. От появления Дана в груди затеплилась искра надежды, но все это было лишь самообманом. Меня не отпустят. Не позволят, я же «темный». Дан не сотворит чуда дважды, Паскаль скорее его вздернет. Только бы выполнить долг, которого требует рабо-

та. И от понимания этого на сердце у меня стало еще гаже.

– Зря ты пришел, – сказал я. – Незачем меня обнадеживать.

– Выше нос! – Дан в мирном жесте развел руками. – Мне бы, к примеру, хотелось в такой момент иметь друга рядом, особенно такого как я.

– До суда мне и имя твое не помнилось, не говоря уже о личности. Прости, но у меня не осталось о тебе воспоминаний.

Дан удивленно захлопал глазами.

– Совсем? – Он приложил руку к подбородку, и бирюзовые глаза озарились веселыми искрами. – Так это ведь повод наверстать упущенное!

– Я и без того многое забыл, а через сутки потеряю все. Не желаю узнавать еще что-либо, чтобы и оно исчезло.

– Ты смотришь на все с плохой стороны...

– Обнуление приравнивается к смерти! – Я уже не скрывал отчаяния. – С какой стороны мне еще на это смотреть? Меня больше не будет. Ничего не будет. И я не понимаю, что к этому привело!

Протектор не отвел взгляда, но его улыбка изменилась – обрела печальные краски.

– Что бы там ни было, это не имеет значения. – Он пожал плечами. – Может, ты меня и забыл – хотя мне не верится даже в теоретическую возможность подобного, – но я-то тебя нет. И меня не волнует, по какому поводу другие поддаются

паранойе.

Протектор постоял несколько секунд, будто в раздумьях, после чего обернулся к Стефану.

– Не подскажешь, сколько времени? Предполагаю, что оговоренные десять минут прошли.

– Чего? – Стефан встрепенулся, снова потянувшись к столу.

– Да! – Дан просиял. – Защитные манипуляции больше не действуют, и теперь можно делать так...

Внезапно он исчез. Растворился в воздухе! Но довольный голос тут же раздался слева от меня.

– Конечно, все отключилось на какую-то пару минут, не волнуйся.

– Как ты... – Я пораженно вытаращился на Дана.

– Что? – удивился он. – Ты о перемещении? Звезды, ты и об особенностях моей метки не помнишь?

– Какого черта?! – Стеф вскочил.

Прежде чем он успел что-либо сделать, оброненная книга полыхнула, и серый дым за считанные секунды наполнил его половину комнаты.

– Ладно, может, и не все странности, которые случаются при моем появлении, – лишь совпадение, – признал Дан.

Дым быстро рассеивался. На полу отчетливо проступил силуэт Стефа.

– Бедный желторотый. – Дан положил руку мне на плечо. – Всегда-то приходится идти с ним на крайние меры.

Внезапно пространство сжалось, и воздух разом выбило из легких. Секунда – и вот мы по ту сторону барьера. Меня пробрала дрожь, а Дан смотрелся спокойно. Даже слишком, учитывая происходящее.

– Однажды ты наконец привыкнешь, – пообещал он и, сняв с меня наручники, торжественно открыл дверь. – Идем, пока все внезапно не решили вспомнить о своих обязанностях. Иногда такое действительно случается.

– Постой, мы сбегаете? – По спине пронесся холодок.

– А ты горишь желанием остаться?

Как оказалось, охранявшие дверь адьюты также пребывали без сознания. Дан повел меня прочь быстро, но словно не опасаясь, что нас могут заметить.

– Остальные на общем собрании, – пояснил он, будто прочитав мои мысли. – Паскаль наверняка рассказывает, что ты предвестник Армагеддона и выжрешь каждую душонку в Соларуме. Эх, предан же этот невротик делу.

Дан широко улыбнулся, будто сказанное им должно было как-то успокоить меня.

Мы вышли в ярко освещенное помещение.

Гигантских размеров лестница, прилегая к массивным стенам, опоясывала атриум, подобно угловатой каменной змее; спиралевидные колонны казались огромнее мамонтовых деревьев. Далеко внизу в ровном квадрате пола была выгравирована огромная карта Земли. Потолок же заменял титанический купол, сделанный из еле видимого стекла. В

свободном центре помещения сияли десятки крупных фонарей-солнц, мерно плавающих в воздухе. Окна состояли из подсвечиваемых изнутри витражей, изображавших величественные просторы Вселенной: планеты и звезды, далекие галактики и коллапсирующие светила, кометы и туманности. И черт меня дери, если они не двигались! Голова закружилась, когда я посмотрел вниз. Спуск представлялся очень долгим.

– Пожалуй, сократим, – произнес Дан и вновь коснулся моего плеча, задев пальцами кожу на шее.

Тогда же, как и в любой другой подобный раз, я провалился в душу постороннего человека.

В лицо мгновенно подул холодный морской бриз, а голову наполнило шипение волн, бьющихся о камни. Я открыл глаза и увидел перед собой массивные черные скалы, напоминающие острые столбы, вылезаящие прямо из темных волн. Каждый из них был огромен, и подобные монолиты вздымались по всему берегу, которому не было ни конца ни края. Небо серо, пляж сплошь усыпан крупными черными камешками. Большая душа, старая. Чуть в стороне, меж неровных скал, виднелся ее Центр. Он представлял собой гигантский черный валун, расколотый надвое. В разломе пышно рос куст ярко-оранжевых роз, огнем озарявший мрачные виды. Каждый камень – воспоминания, а волны пригоняли вместе с собой чувства. Я различил в них нетерпение и задор. Дан был встревожен и рад. Ему нравилось, что рутина сменилась

чем-то интересным и необычным, а сам он при этом является неотъемлемым участником происходящего.

Наваждение отступило, и я увидел, куда Дан перенес нас на этот раз. То оказался лес перед Соларумом, полный странного вида деревьев. Одни из них были нормальных размеров, другие – как огромные столпы; их кора казалась практически черной, а синяя листва призрачно сияла, освещая мрак ночи и мощеную дорожку под ногами.

– погоди, – выдохнул я. – Как... Это все ты?

– Да, – самодовольно ответил протектор. – Моя метка, полученная от планетара. Она обладает способностью прыгать с места на место, так что этот талант мне пришелся очень кстати.

– Всепроникающий Свет...

– Надо торопиться. – Дан двинулся по дорожке. – Через портал в Соларуме нас могут отследить. Придется воспользоваться более сомнительным методом побега.

– А разве ты не можешь своим перемещением унести нас, скажем, в Сибирь или где там еще скрываются беглые протекторы?

– У меня есть ограничения по дальности. Но, если не боишься хлопнуться в океан, можем рискнуть здоровьем.

Прежде чем последовать за ним, я оглянулся. Дан перенес нас недалеко. Какими бы высокими ни были эти деревья, Соларум возвышался над ними в десяток раз. Смотря на его вершину, приходилось до боли задирать голову. Ве-

личественная громадина, наводящая чувство собственной ничтожности. Точно гигантский храм, гордо вздымающийся Соларум подпирал небо тринадцатью башнями. Каждое окно ярко подсвечено. Древнее, испещренное барельефами строение, которое смотрелось необыкновенно новым. Архитектурой Соларум мало чем напоминал земные постройки и возрастом намного превосходил каждую из них. Оно и понятно, ведь построен он был заоблачниками.

Чем дальше мы шли, тем быстрее таяла уверенность в нашем непродуманном плане. Не хотелось терять воспоминания, но и трусливо сбежать казалось неправильным. Я будто во всеуслышание объявил себя врагом не только протекторов, но, возможно, и всего Света. Хоть табличку на себя вешай. Однако после обнуления я себе вообще ничем не помогу. Сейчас необходимо бежать. И чем дальше – тем лучше.

Когда лес резко оборвался, впереди вырос каменный мост. Под ним плыли редкие облака, а дальше – вода, серебрящаяся на фоне луны. Из меня вылетел восхищенный вздох. В памяти услужливо блеснуло воспоминание – Соларум находился в воздухе, точно над экватором. Он стоял ровно напротив Солнца, отчего здесь всегда пребывала вечная ночь. Материки и океаны проскальзывали внизу.

Перед нами образовался небольшой круглый островок, в самом центре которого горело нечто, напоминающее огромный фиолетовый костер, внутри которого с мелодичным звоном кружились осколки стекла. Вверх, в окружении искр,

бил тонкий, но яркий луч света. У очага стояли две фигуры. Одна смотрела прямо на нас.

– Я привел его! – гордо сообщил Дан. – Правда, в коридорах осталась пара спящих людей, но я надеюсь, что звезды из-за них не сочтут всех протекторов некомпетентными бездарями.

– Молодец, – похвалила женщина. – Вы как раз вовремя. К собственному удивлению, я узнал голос Меморы.

– Рад поучаствовать в незаконных действиях, которые влекут за собой интересные события, – сообщил ей Дан.

Я пораженно закачал головой

– Почему звезда мне помогает? Разве это не идет вразрез со всеми законами?

На ее губах мелькнуло подобие улыбки.

– Эти двое убедили меня в том, что тебе стоит дать шанс. По крайней мере, их план мне нравится гораздо больше решения Скорпиона. Твои спутники помогут тебе выяснить все о произошедшем.

– Но ты...

– Я – воин Света, – твердо сказала она. – И я не позволю, чтобы кто-то из подобных мне умирал из-за нелепого случая.

– Место почти настроено! Вы там закончили лить слезы на прощание? – раздался голос второй фигуры.

Я догадывался, что узнаю в ней Фри. Рост у нее небольшой – в толпе детей не сразу различишь. Несколько десятков стекол застыли вокруг нее, соединенные друг с другом ли-

ниями света. Протекторша изменяла их положение и создавала новые связи. Чуть впереди высилась массивная панель, которая и управляла всем механизмом.

Мемора оглянулась на Соларум.

– Они скоро заметят твое отсутствие.

Откинув плащ, она достала цепочку, к которой крепился небольшой серый камень, и отдала мне.

– Надень это на руку. Тогда я буду отслеживать ваше местоположение, а для других твоя душа окажется скрыта. Скоро я свяжусь с вами.

Я не стал тянуть и дважды обмотал подарок вокруг запястья.

– Все равно не понимаю, что делать. Меня в любом случае прикончат.

Мемора доверительно положила руки мне на плечи. Было странно принимать этот жест от кого-то из ее рода.

– Осознай то, что с тобой произошло. Сделай это во что бы то ни стало, и пусть никто не сомневается в твоём Свете. Хоть сейчас тебе и непонятны наши мотивы, но ты должен вспомнить. Понять, почему мы так рискуем ради тебя. Обещаешь?

Не без труда, но я поднял на нее взгляд и кивнул. Внезапно со стороны Соларума послышался раскатистый звон колокола. Пугающий звук накрыл лес, вторя моему сердцу и с тяжестью оседавая в животе.

– Ну все, веселье началось, – нахмурился Дан и быстро

поднялся по ступенькам. – Фри, уходим!

– Погоди немного, – отозвалась она.

– Звезды, да даже адъют уже справился бы с этим!

– Если хочешь, чтобы тебе оторвало руку, – прыгай вперед нас! – Фри злобно сверкнула глазами.

– Это так опасно? – встревожился я, неуверенно следя за ускоряющимися стеклами.

– Для заоблачников – не очень, – уклончиво ответил Дан.

Ветер трепал его волосы, отчего он, судя по всему, был не в восторге. – Хотя даже для них данный механизм – опасная игрушка, если он рассинхронизирован. Этот портал предназначен для их проникновения на Землю. Для нас же... Лучше перестраховаться, перенастроить кое-что и обозначить точку прибытия заранее. Иначе убиться можно.

– Готово! – воскликнула Фри.

– А может, все и обойдется, – сказал Дан и столкнул меня в поток.

Глава VI

Откуда следует начать

Вот чего я точно не ожидал, так это того, что грохнусь лицом прямо в снег. Проломив ледяную корку и не реагируя ни на что секунд десять, я пытался осознать, что же совершил в своей жизни такого неправильного, чтобы заслужить все это.

Меня потянули вверх за воротник.

– Так, я не для того фокусничал, чтобы ты тут же умер, – пропыхтел Дан. – Это все из-за твоих настроек, Фри!

– Чего? – Голова девушки вынырнула из ближайшего сугроба. – Если что-то и произошло в потоке, то это уже не моя вина.

– Да? Тогда почему мы намного дальше, чем требовалось?

Фри хотела огрызнуться, но в итоге забурчала себе под нос всякие гадости и, попытавшись окончательно выбраться из сугроба, снова рухнула в снег.

Я осмотрелся. Бескрайние белые валы сверкали под лунной, ярко светившей в эту безоблачную ночь. Слева частоколом темнел хвойный лес. А еще было холодно. Очень. Я почувствовал, как тают попавшие за ворот куски снега. В отличие от моих спутников, одетых в мундиры, мне приходилось довольствоваться рубашкой. Буквально через пару минут у меня зуб на зуб не попадал.

– На кой мы сюда притащились? – сбивчиво поинтересо-

вался я.

– Тут неподалеку проживает одна моя знакомая, – пояснил Дан, закатывая рукав. – Я изложил ей нашу проблемку, и она чрезвычайно к нам прониклась. Даже пообещала помочь.

– Это чем же?

На левой руке Дана были запечатлены телесные манипуляции. Они напоминали татуировки. Множество символов, заключенных в круги.

– С твоей душой. Она попытается определить принадлежность твоего эфира в более спокойной обстановке.

– А дальше?

– По ситуации, – пожал плечами Дан.

Линии, которые соединяли между собой метки на руке, будто звезды в созвездиях, засияли голубым светом. Символы отделились от кожи, вспыхнул манипуляционный круг. Протектор направил его в сторону леса, и из ниоткуда вырвалось огненное свечение. Оно пронеслось в указанную сторону, прорывая в снегу траншею, а потом так же стремительно погасло. Две из меток Дана заискрились на прощание и исчезли с кожи.

– Пошли. – Фри осторожно подтолкнула меня. – Не то совсем здесь замерзнем.

Я спорить не стал и побрел за ними к чаще. Вскоре мы отделились друг от друга – Дан гордо и уверенно вышагивал впереди, разве что неожиданно стал прихрамывать, Фри то-

ропливо перебирала ногами чуть позади него, а я плелся в конце, трясясь от холода. Мечты о теплом и спокойном месте были столь сильны, что даже не сразу позволили мне заметить, с каким сомнением Фри время от времени на меня косилась.

– Все в порядке? – удивился я, поймав на себе очередной полный вопрос взгляд.

– А? – Она резко обернулась и даже чуть помедлила. – Нет, все...

– Я не собираюсь обращаться в сплита прямо тут, не волнуйся.

Глаза Фри заметались, она уклончиво сказала:

– Я не думаю, что ты темный. Просто... давно жду от тебя обвинительной тирады в наш адрес по поводу случившегося. А ее все нет. Я вообще ждала подобного от тебя еще на суде. Сейчас самый удобный момент свалить все на нас, так что...

– Тирады? – Я нервно усмехнулся. – С чего мне винить вас?

– Но ведь обычно... – Фри в который раз замолчала на полуслове. – Ладно, забей. Ситуация выбила всех из колеи, но скоро все будет хорошо, обещаю. Кстати! – Она достала синюю книжицу из большого кармана своего рабочего пояса. – Я подобрала это в Лазарете, пока Паскаль не надумал сжечь твои вещи.

Я взял блокнот в дрожащие руки и внимательно осмотрел герб Света на обложке.

– Зачем?

Фри скептически изогнула бровь.

– Ты же не рассташься с этим блокнотом. Постоянно бегаешь с ним в Архив к своим любимым книгам и загоняешь в него каждый бесполезный отчет!

– Если честно, я впервые его вижу.

– Приехали, – проворчала Фри. – Нет, когда народ стирает себе воспоминания при выжигании резервов Света, это одно. Но ты позабыл даже свои привычки? Чем еще удивишь?

Я лишь уныло покачал головой.

– Это действительно неприятно – не знать, чего не помнишь. Никогда не предугадаешь, где провал. Это пугает.

– Мы пойдем, что случилось, вернем все, что ты забыл, и докажем тем хмырям из Круга Тринадцати, что твой эфир намного светлее их, – сказала она, на секунду улыбнувшись. Но лишь на секунду. Потом бросила тяжелый взор на блокнот. – Если твои воспоминания выжжены, то, возможно, блокнот как раз поможет тебе их восстановить. Ты так много в нем строчил, что, возможно, и мемуары накатал.

Когда мы дошли до леса, я уже не чувствовал рук. Двигались мы в гору, в самый мрак безлюдной чащобы. Все здесь было как из хрусталя: оледенелая кора сияла стекляннным блеском; луна освещала нашу дорогу сквозь ветви, напоминавшие когтистые лапы. Казалось, вокруг на десятки километров нет ни души, но вскоре перед нами зазмеилась каменная дорожка. Она устремлялась прямо к вершине холма.

Я остановился, чтобы перевести дух.

– Если будешь так застревать, мы вообще никуда не дойдем, – заявил Дан.

– Учитывая примерный часовой пояс, местоположение Соларума и холод, мне думается, что мы идем в Монсис, – предположил я.

– Хоть что-то ты помнишь, – удовлетворенно отозвался Дан.

– Поселение заоблачников? А это не слишком рискованно?

– С чего вдруг? – встряла Фри.

Я с раздражением потер висок, не веря, что они упускают нечто столь очевидное.

– Там тонны светоотражающих поверхностей. Нас по ним выследят! В Соларуме будут проверять любой свет, отразившийся в каждом зеркале и стекле по всей планете, лишь бы меня найти! Это самая простая поисковая система.

– Макс, Макс, Макс... – Дан напыщенно покачал головой. – Неужели ты мог подумать, что я способен этого не учесть? Даже предполагать подобное смехотворно! – Он продолжил подъем, не переставая причитать и все сильнее прихрамывая: – Чтоб я так ошибся? Ха!

– В поселениях заоблачников протекторы ничего просматривать не могут, – объяснила мне Фри, и мы последовали за Даном.

– Почти пришли! – сообщил он, встав на вершине холма.

Оттуда открывался поистине завораживающий вид. Впереди зияла огромная пропасть, которая казалась идеально круглой, словно ободок бокала. Через нее был перекинут длинный подвесной мост, мерцающий синими огнями. С обеих сторон его зажимали титанических размеров сосны, корнями уходившие в черноту на многие метры. Этот лес заполнял всю расселину. Оледенелая хвоя сверкала от множества сияющих точек. Мост вел к одинокой, хорошо освещенной скале. Заоблачники построили здесь целый город, который возвышался до самого ее пика и венчался грузной башней. Огни, камень, стекло – все как любит Светлая армия.

– Добро пожаловать в Монсис! – торжественно воскликнул Дан. – Основанный лично Альдебараном Стойким – главой нашей префектуры Кальцеон. Поселению уже более тысячи лет, что по меркам эквилибрумов – новенький загородный район. Самый малонаселенный среди четырех земных поселений светлых заоблачников. Когда-то здесь бывала сама Верховная Оттана Устремленная – осматривала леса, наблюдала за нашей природой. Это место славится не только красивыми видами, но и большим рынком вселенской флоры, буквально – найти можно любой кусачий куст. А еще, если постараться, получится отыскать отменное...

– Да иди уже! – Фри злобно толкнула его в спину.

Дан нехотя повиновался. Он повел нас вниз по лестнице, прямо к мосту, а затем негромко позвал:

– Нерман!

Никто не ответил. Вокруг было холодно и пустынно.

– Эй, Нерман! – позвал он громче.

– Только не говори, что она не придет, – поморщилась

Фри.

– Если это так, то я столкну его с обрыва, – проворчал я, продолжая дрожать.

– Да успокойтесь вы! – всплеснул руками Дан. – Паникеры! Уверен, ее задержало что-то важное.

Вдруг позади раздался спокойный голос:

– Нет, просто не было особого повода для спешки.

Мы обернулись и увидели планетара. Я сразу распознал расу по ядовито-красному цвету радужки глаз.

– Нерман! – радостно протянул Дан и пошел к ней навстречу, разведя руки в попытке обнять.

В ту же секунду планетарша испарилась и так же неожиданно материализовалась возле моста. Она скрестила руки на груди и неприязненно посмотрела на нас.

– Сколько раз повторять, что я не люблю эти нежности.

Заоблачница была среднего роста, щуплого телосложения и с худым лицом. Оттенок кожи у нее был какой-то мертвецки-голубоватый, с редкими бурыми пятнами. Темно-серые волосы лоснились и доходили до середины спины. Планетарша была одета строго и достаточно легко для нынешней погоды – блуза с серебристой вышивкой да штаны с сапогами. На коже, в области ключиц, проглядывал символ ее планеты, напоминающий букву «N» с двумя точками по бокам.

– Да, я тоже скучал. – Дан обернулся. – Могла бы появиться и побыстрее, с нашей-то меткой.

– *С моей меткой*, которую ты выпросил довольно нахальным способом, – исправила его заоблачница, после чего обратилась ко мне, покривив бледные губы: – Так ты и есть тот люмен-протектор, чей эфир нельзя выявить на обычных проверках?

– Именно он! – ответил за меня Дан, заодно хлопнув по спине. – Основное я тебе передал, надеюсь, ты все-таки сможешь нам решить эту проблему.

На лице заоблачницы появился интерес.

– Редко такое встречается. Только ради этого я вообще разговариваю с вами. Идемте, – махнула рукой Нерман и зашагала по мосту. – Вам нельзя задерживаться.

Мост неприятно покачивался под ногами. Он состоял из каменных блоков, и стальные тросы каким-то чудом выдерживали его тяжесть. Я предположил, что им вполне могли помогать манипуляции. Внизу не было ничего, кроме темноты. Корни деревьев тонули в ней, как в бездонном море. По обе стороны от нас покачивались верхушки сосен. Когда одна из каменных плит под ногами дрогнула, Фри крепко вцепилась мне в локоть.

– Все в норме? – поинтересовался я.

– Прекрасно, – сквозь зубы процедила она. – Пожалуйста, давай не будем останавливаться.

Фри не сказала, но я нутром почувствовал вязкие нити

страха ее души. Они слабо оседали и на мне, вызывая легкую дрожь в коленях от ужасной пропасти под нами.

Пройдя большую часть пути, Нерман косо поглядела на прихрамывающего Дана.

– Ты снова во что-то вляпался и пострадал?

– Кто, я? – возмутился он. – Поверь, враги получили больше!

– Он покалечился из-за неправильной манипуляции, – фыркнула Фри, не обращая внимания на сверлящий взгляд юноши. – Как всегда, торопился с ее созданием и попал. Хорошо, что Макс тогда был рядом и спас его. И ладно бы лежал себе в Лазарете, так вылез раньше времени, и вон теперь что творится!

Я удивился, потому как совершенно не помнил об этом эпизоде.

– У меня все было под контролем, – сказал Дан.

– О, не сомневаюсь, – желчно ответила Нерман. – Ладно, не долго тебе страдать, сейчас все равно будем перемещаться, только до подножья дойдем.

– Как раз хотел предложить! У меня уйдет слишком много Света, чтобы перебросить тела наших спутников на такое расстояние.

А город меж тем приближался. Смотрелся он величаво. Из-за своего расположения на скале поселение делилось на несколько уровней, словно многоярусный торт, оттого отлично просматривалось со стороны. Я различил крыши до-

мов и множество сверкающих шпилей. Казалось, строения были расположены так близко, что меж них не было прохода.

– Так мы не будем идти через поселение?! – Голос Фри едва не сорвался от возмущения. – Какого тарта мы премся через эту пропасть?!

Нерман обернулась, и глаза ее пугающе блеснули.

– А почему я должна тратить свой Свет на тот путь, который мы можем спокойно пройти пешком?

Фри разозлилась и была готова сказать что-то непоправимое, но я вовремя хлопнул ее по ладони.

– Спасибо, что помогаешь нам, – учтиво сказал я планетарше, игнорируя заполнившие пространство фиолетовые свечи, вырвавшиеся из души моей наставницы.

Поругаться мы не успели. Мост закончился. Поселение располагалось чуть выше, но мы туда не собирались. Во всяком случае, не привычным способом.

Нерман взяла меня под руку. Души заоблачников и приземленных не особо отличались. Разве что у первых они, как правило, были больше и намного интереснее. Внутренний мир планетарши выглядел как огромная полуразрушенная от времени башня, подпирающая небеса. Даже с запрокинутой головой мне было плохо видно ее вершину. Дикие лозы плюща крепко обвивали ряды колонн, стены потрескались, и казалось, что все строение вот-вот обрушится.

Я ожидал, что тело будто через решето пропустят, как было с Даном, но даже не заметил, как оказался в другом ме-

сте. Вокруг внезапно зажглись огни, а главное – нахлынуло приятное тепло.

Комната с высоким потолком. В каменных стенах сияют белые блоки, окна занавешены шторами. У стены расположились диван и небольшой столик. В камине потрескивает сиреневатый огонь, горящий не на дровах, а на странного вида самоцветах.

Мне особо понравились настенные полки с кучей стеклянных пластин – инфор, которые были своего рода накопителями информации, наподобие наших книг, только намного практичнее. Я осторожно выглянул в окно и увидел сад, полный елей и синих фонарей.

Дан присвистнул.

– Никак, прибралась к нашему приходу?

– Будешь продолжать так со мной общаться, лишу метки, – бросила Нерман.

Протектор скептически рассмеялся.

– Ну конечно.

– Эй, девочка, – окликнула Фри планетарша. – Хочешь метку перемещения? Будешь скакать с места на место без особых усилий. Отдать я ее могу кому-то одному, а Волку она, видимо, уже надоела.

– А? – Фри округлила глаза и затрясла головой. – Хочу!

Тут-то Дан и спохватился.

– Нет, не хочет! – Он загородил Фри. – Куда ей перемещение? Подумает о Бразилии, а окажется на Эвересте. Ни-

кто ничего не хочет, все рады тому, что имеют. Фри и так достаточно метки щита.

Заоблачница вздохнула и открыла дверь в соседнюю комнату.

– Обследование проведем через четыре земных часа. Я почти не сомневаюсь, что эфир неразличим из-за какой-то особой защиты, но дополнительные проверки не помешают. Пока что можете располагаться. И, Дан, если хоть что-нибудь снова разобьешь при своих перемещениях, я тебя выставлю на мороз!

* * *

– Что значит «он сбежал»?!

Меркурий негодовал так громко, что Стеф поморщился. Он даже поделаться ничего не мог – связь по энерглассу просто воспроизводилась в его голове.

– Просто уликнул, – невинно сообщил Стефан, выходя из Лазарета. – Представляешь? Протекторы взяли его под стражу, хотели лишиться памяти. Максимуса же такой вариант не устраивал. А я как раз думал вести его к вам. Очень жаль.

– Куда он направился?

– А мне откуда знать? Я же не был причастен к побегу, мне ничего не сообщали.

Это было правдой лишь отчасти, но дела не меняло. Стеф нарочито грустно вздохнул.

– Похоже, дальше я бессилён. Вы же сможете найти его?

Меркурий пробормотал что-то нечленораздельное, но явно очень злое, после чего сурово выдал:

– Держи меня в курсе. Ты знаешь, как многое от этого зависит.

– Обязательно, – сердечно заверил Стеф, ухмыляясь. – Не скучай там.

Связь завершилась.

Вот и все. Стеф был необычайно горд собой – хоть с одной проблемой удалось разобраться. Он считал, что сделал достаточно – избавил Макса от обнуления. Да и технически выходило, что не он сдал новичка в руки заоблачников. Даже душу мараить не пришлось. Максимус сюда больше не вернется, «Белый луч» протекторам сносить головы не будет, красота.

Стефан шел по коридору в сторону атриума, уже подумывая, как проведет остаток дня, будучи освобожденным от всех работ. Правда, Паскаль грозился выдать ему особое задание взамен на восемь лет памяти, но если не попадаться ему на глаза...

– Стефан! – строго и громко донеслось сзади.

Юношу передернуло. Паскаль двигался к нему, преисполненный стальной уверенности, с адским пламенем в глазах. Рядом с ним привычно шла Дева – Ханна. Светловолосая, с правильными чертами лица, высокая и тонкая. Она, вне всяких сомнений, была красивой, и даже огромный шрам на

лице не давал этого забыть. Вообще выглядели они до странности похоже – как родственники, хоть таковыми и не являлись. Все знали, что Ханна, несмотря на апатичный вид, вполне дружелюбна, однако стоило ей заметить Водолея, как ее взгляд неизменно сковывался холодом.

Стеф мигом понял, что пахнет жареным.

– Я уже все рассказал, – буркнул он, засовывая руки в карманы брюк. – Дан...

– Я знаю, – отрезал Паскаль, вставая напротив. – Ты ничего не мог поделать.

– Именно. Я всего лишь...

Но Скорпион вновь его перебил:

– Но ты вернешь его.

– Что?! – Стеф поперхнулся от услышанного. – Ты смеешься?!

– Ты меня слышал. Узник сбежал в твою смену, ты его и вернешь.

Таким грозным Паскаль бывал редко – точно вот-вот взорвется, сделает непоправимое.

– Я не хочу проверять, на что эта тварь способна на воле, – продолжал он. – Приведи его. А те, кто помог ему сбежать, ответят за свои поступки.

– А с ними-то ты что собираешься делать? – Стеф напряженно прищурился.

– Зависит от того, как быстро они сдадут темного. Объясни им это как можно доступнее, понял?

Смотритель двинулся прочь, но, поравнявшись с Водолеем, тихо прошипел:

– Мне все равно, как ты его достанешь, я просто хочу, чтобы эта угроза исчезла и больше нас не беспокоила. Хочу убедиться, что он будет уничтожен. Если не приведешь темного через два дня – я отниму у тебя восемь лет. Это и есть твое задание. Пора исправлять ошибки.

Стефан с ненавистью буравил глазами широкую спину Скорпиона, пока протекторы не скрылись за поворотом. Теперь весы выбора закачались в разные стороны. С одной стороны стояла потеря памяти, с другой – возврат Макса и геноцид протекторов из-за «Белого луча». Даже если Стеф расскажет Паскалю о разговоре с Меркурием, Смотритель посчитает это провокацией со стороны заоблачников, и кто знает, что случится тогда. Это был конец – что бы он ни решил, его душа в очередной раз замарается.

И тут ему пришла чудесная, одурманивающая мысль: а почему бы не сбежать? На время. Залечь на дно.

Он так уже делал, и не раз. Как только обстоятельства требовали чего-то непосильного, Стефан просто уходил под шумок, пока все не успокоится. Может, Меркурий и его сообщники успеют найти новенького, Паскаль об этом узнает и тогда даст Стефу иное задание, не требующее решений, от которых зависят чужие жизни.

Пока Стефан во всех красках обдумывал эту мысль, ноги принесли его на тринадцатый этаж к транзитной двери, вы-

ходу в любую точку Земли. Он уже предвкушал, в какие тихие и укромные уголки отправится, но тут вдруг затормозил, увидев у двери знакомую фигуру. Сара стояла и точно ждала кого-то, привалившись к серой стене и скрестив руки на груди. Заметив Стефа, девушка спокойно на него посмотрела.

– Ты вовремя.

– Чего тебе? – нахмурился Стеф, осторожно приближаясь.

– Паскаль предупредил о твоём задании и попросил помочь тебе.

Стеф почувствовал, как прирастает к месту. Только наблюдателя ему не хватало.

– Сам справлюсь, – грубо отмахнулся он. – Мне твоя помощь ни к чему.

– Ты что-то скрываешь?

– С чего ты решила? – Стеф нервно встрепенулся.

– Я помогу тебе, – непреклонно заявила Сара. – Я обязана выполнить приказ Смотрителя – проконтролировать все, хочешь ты того или нет.

– Я и без тебя прекрасно справлюсь!

– И с чего начнешь?

Не в бровь, а в глаз, как обычно. Сара не отпустит его – не позволит слить задание, не ответит пристального взора, доделает задание даже без него. Но Стеф слишком давно ее знал, а потому различил в ее ровном, казалось, монотонном голосе крохотные зачатки эмоций. Она правда хотела помочь. Сара смотрела на него – без превосходства, укора,

утомленности. Просто стояла и ждала.

– Ладно! – всплеснул руками Стеф. – Но я, черт вас всех дери, понятия не имею, что делать дальше! Фри и Дан могли утащить его куда угодно и на связь больше не выходят.

Сара оторвалась от стены, подошла ближе. Прямая, как шест, ледяная, как айсберг.

– Нас с тобой снова ждет работа. Прямо как раньше.

– У тебя есть идеи? – сухо спросил он.

Она кивнула, повисла тишина.

– Поделиться не желаешь? – устало вскинул брови Стефан.

– Чтобы найти Максимуса, надо понять его новую природу, – сказала она. – Начнем с самого начала.

– Адьюты уже осмотрели то место, где ты его нашла, – напомнил юноша. – И ничего не обнаружили.

– Город, где они с Фри перед этим выполняли задание, находится далеко оттуда. Место проверили лишь два адьюта, я сомневаюсь, что они исследовали его хорошо. Потому следует начать там.

Глава VII

Протекторы и кандидаты

Нам выделили небольшую комнату. Фри сидела на лежанке и проделывала что-то с голубым прямоугольным куском стекла, внутри которого горели проекции. Дан снаружи беседовал с планетаршей. Я же смотрел в темное окно и перебирал меж пальцев серебряную подвеску, которую неожиданно нашел у себя на шее. Четырехконечная звезда. Символ встречался здесь повсюду, только значения его я не помнил.

На душе лежал камень. Чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, я вышел наружу, не отвечая на вопросы Фри. Обеспокоенная, она последовала за мной, словно боясь оставить одного хоть на минуту.

Мы устроились в саду на двух скамейках. Из земли торчали неземные фиолетовые цветы, листья которых постоянно шевелились. Странно, но вокруг совершенно не было снега. Я не без наслаждения вдыхал свежий прохладный воздух, не сомневаясь, что здесь имели место манипуляции с температурой. И с тишиной: из-за стены сада до нас не доносилось никакого шума, хотя дом Нерман выходил на улицу и был окружен другими домами.

Фри с ногами сидела на своей скамье и продолжала молча копать в стеклянном энергласе, будто не зная, как и о чем со мной говорить. Я испытывал примерно то же – не пони-

мая, насколько хорошо мы с ней знакомы.

Чувство неловкости от молчания и бездействия нарастало. Я принялся листать блокнот. Там, на форзаце, нашлись несколько строк: *«Говорят, чем выше взлетаешь, тем больше падать. Тогда я вознесусь так высоко, что никогда не познаю земли».*

Они звучали глупо, напыщенно, но явно что-то значили для меня в прошлом. Все последующие страницы были заполнены неразборчивым мелким почерком. Записи оказались плотно составлены, строки так и липли друг к другу, словно, делая эти заметки, я боялся, что места для столь огромного архива информации может не хватить. Я вылавливал отрывки, но не понимал их значения. Все казалось иностранным языком, неведомой наукой, словно я дошкольник, который решил полистать учебник по ядерной физике. Все, что я забыл, могло храниться здесь. Что, если прежний я в самом деле проложил себе путь назад?

«...Тьма и Свет – две наимогущественнейшие силы. Две противоположности, как добро и зло, разрушение и созидание. Они есть в каждом и есть во всем. Из дня в день я все сильнее убеждаюсь в этом.

Благодаря им зародилась жизнь. Все разумные существа, живущие по ту сторону облаков, принадлежат к одной из двух сторон, безо всякого выбора. Они рождаются с душой, полной темного или светлого эфира. И каждый из них в каком-то роде является воином и умирает за свою Армию. Од-

нако это правило работает не для всех. В душах приземленных – так нас, тех, кто родился на земной тверди, называют заоблачники – в равной степени содержатся оба эфира. Узнав о Бесконечной войне, я долго задавался вопросом: почему приземленные ограждены от происходящего? Почему они не видят ни Тьмы, ни Света? Не знают ни о сплитах, ни о звездах? Все, кроме них, видят истину. Но понимание пришло после моей работы с адъютами. Это обычные люди, которым не повезло родиться без морока, из-за чего их воспоминания не фильтруются. Они боятся, они постоянно умирают, но все равно примыкают к люмен-протекторам, чтобы хоть как-то защититься от темных чудищ, которые охотятся на них с большим рвением. Если люди узрят истину, то большинство из них погибнет. Они едва ли не слабейшие существа во Вселенной и единственные, кто не принадлежит ни к одной из сторон. От этого выбора их и защищает неведение. Приземленные давным-давно сами наградили себя мороком, чтобы не бояться. И я их не виню. Если ты узрел мир Эквилибриса, то не найдешь обратной дороги. Тебе придется сражаться и умирать за него, не важно, на какой ты стороне...»

«...Бесконечная война началась давно. Не с зарождения Вселенной, но близко к тому. Даже самый дальний уголок космоса содрогается под ее натиском. Она разрушает планеты, разрывает на части светила, уничтожает целые галактики. И нет тому конца. Свет и Тьма никогда не позна-

ют мира. Ни у кого нет однозначного объяснения, что конкретно положило начало этой бойне. Сколько душ, столько и мнений. Но одно каждый знает наверняка: если война остановится, то никому не жить...»

– Расскажи о заоблачном мире, – попросил я у Фри.

Она повернулась ко мне.

– Ты и этого не помнишь?

Я покачал головой. Мне были известны лишь очертания, образ. Никакой полной картины.

– Война ведь наполняет весь космос, так?

– И Земля – лишь пылинка на карте общей бойни, – спокойно ответила девушка и обратила взор вверх.

Небо наполнилось сотнями звезд. Мне не верилось, что каждая из них может быть живым существом.

– Там, наверху, бескрайний, бесконечный мир, который мы вряд ли когда-нибудь увидим. Именно за пределами Земли разворачивается главное представление, а нам отведены места у служебного входа. Человечество считает себя таким важным и уникальным, просто ух... А на деле мы существа слабые и неприспособленные к Вселенной, в которой родились. Потому война и прочие великие события почти обходят нас стороной. Но, конечно, если бы не война между Светом и Тьмой, все было бы намного проще. Если бы не эти дэлары...

– Дэлары? – переспросил я.

– Самая сильная темная раса, – пояснила Фри. – Проти-

воположность звездам.

Я задумался.

– Планетары – это планеты. Орнега – спутники. Небулы – духи светлых туманностей. А дэлары, получается, – черные дыры?

Протекторша рассмеялась.

– Всепроникающий Свет, еще неделю назад ты бы сам себе двинул за такой бред! Нет, червоточины – это совершенно иное, то, чего боятся обе воюющие стороны. А небесные тела дэларов еще не обнаружены приземленными, хотя человечество пару раз было близко к этому. Что даже забавно, ведь этих огромных черных хранилищ, которые извергают из себя темноту и не озаряются никаким светом, так же много, как и звезд. Возможно, даже больше. Их системы, планеты, даже отдельные провинции вроде как можно отнести к людской теории про антиматерию. Нечто абсолютно противоположное миру, созданному Светом.

– Дэлары и звезды управляют всем? – нахмурился я. – Как много существует заоблачных рас?

– Достаточно. Глобулы, кометы, темные планетары... Каждую из префектур космоса населяет множество рас. Но во главе Света и Тьмы стоят дэлары и звезды. Они же сильнейшие расы во Вселенной, и все остальные заоблачники преклоняются перед ними. О звездах можно долго болтать, но главное – знать, что они разрушительны и опасны, а их души невообразимо мощны благодаря особой силе – свето-

зарному огню. Его запасы порождаются на просторах космоса хранилищами – гигантскими пылающими шарами. Темные дэларты так же страшны, но полностью противоположны звездам. Их черные хранилища, создающие мгlistую чернь, невозможно узреть невооруженным глазом. Каждая сторона яростно ненавидит другую и делает все возможное, чтобы взять первенство в войне.

– Но ведь, если кто-то победит, равновесие нарушится, разве нет?

Голос Фри окрасился печальной иронией.

– В том-то и дело. У этой войны не должно быть ни победителя, ни проигравшего. Вне зависимости от ее исхода, будущее Вселенной уже предрешено. Если одна сторона начнет побеждать или проигрывать, то равновесие – *Эквилибрис* – тут же нарушится, а это значит смерть для всего сущего. Все просто должны сражаться, жертвовать, умирать, ни в каком случае не усиливая и не понижая градуса битвы. Вот такие пироги.

Как только Фри замолчала, повисла давящая тишина. Значит, вот как оно все. Светлая армия неописуемо огромна, а протекторы, самые слабые воины этой армады, вынуждены вести малую часть Бесконечной войны, пронзавшей всю Вселенную, на родной Земле. Это наш личный филиал сражения между Светом и Тьмой.

То была битва без проигравших и победителей. Она просто оттягивала неизбежное. И все принимали данный факт,

но не могли остановиться, ибо давно погрязли в Бесконечной войне. Кем мы были без нее?

– Спасибо тебе, – вырвалось у меня.

– Да что уж там, это основы и...

– Нет. Хотя за это тоже... Но я благодарен тебе за поддержку.

Фри удивленно вскинула голову, словно не расслышала. Я замялся, невольно улыбнувшись краем рта.

Внезапно входная дверь с шумом распахнулась, и в сад вывалился Дан.

– А ну не смейте засыпать, солнце еще высоко! – заявил он, указывая на темное небо. – Не здесь, конечно, но где-то уж точно! Готовься, подопытная морская свинка, скоро тебя будут препарировать. А пока идите в дом, у меня для вас дары.

В главной комнате обнаружилась небольшая перестановка – Дан выдвинул стол в центр и разложил на нем оружие. У Фри загорелись глаза.

– Я заранее принес кое-что из Соларума, очень точно предугадав, что наводить там марафет времени не будет, так что наслаждайтесь, – снисходительно сообщил Дан, точно довольствуясь тем, что единолично решил еще одну проблему. – И да, можете не благодарить, я и так знаю, что хорош.

– Ох, отлично! – Фри тут же схватила несколько сияющих сфер со светозарным огнем.

Дан решил, что принести мою запасную рабочую форму

будет хорошей идеей, и не прогадал.

Наша форма представляла собой военный мундир с длинным подолом, серебряной каймой по краю и высоким воротником. Черные брюки, высокие сапоги со стальными наколенниками, что служили защитой при частых падениях. На предплечьях гербы со звездой. Погоны необычные – лишь белые точки, соединенные линиями, с изображением созвездия протектора. На левой груди сверкала четырехконечная звезда, и в ней же размещалась эмблема с гравировкой небесного знака.

Я с замиранием сердца натянул на себя мундир и провел рукой по серебряному гербу. Потом, естественно, взял лук и колчан. К моей радости, все стрелы в нем были разные – от обычных до разрывных и световых. Я так же прибрал к рукам рабочий пояс, не забыв при этом убрать в него блокнот, захватил сферы и, немного подумав, вложил нож в ножны на правой ноге.

– С оружием определенно легче, – заметил я, натягивая рабочие перчатки без пальцев и чувствуя прилив уверенности. Перчатки были сделаны из тонкого темного материала, который почти не ощущался на руках, зато отлично защищал.

– Ты хоть помнишь, как им пользоваться? – любопытно спросил Дан, указывая на лук.

– К счастью. – Я коснулся гладкой рукояти оружия, покрытой синими трещинами. – Навыки вообще трудно расте-

рять. А вот обычные воспоминания ускользают как дым.

– Что ты вообще помнишь?

Мне пришлось конкретно пораскинуть мозгами, чтобы ответить на этот вопрос.

– Не знаю. Вроде достаточно, а вроде и нет. Когда я только очнулся, было хуже, но сейчас кое-что встает на места. Какая-то информация всплывает, какая-то так и остается в темноте. Например, я помню отдельный вид манипуляций, но все равно не знаю о них в целом. Редкие люди из прошлого узнаются, другие – нет. Вероятно, мое прошлое выжигалось в случайном порядке.

Фри покрутила в руках клинок.

– И это, похоже, изменило тебя.

– В смысле?

Она неуверенно поджала губы.

– Ты поменялся. В характере. Я еще не могу сказать с уверенностью, в чем и как конкретно, но это видно в походке, в словах, во взгляде. В реакции на происходящее.

Я крепко стиснул лук, почувствовав слабость в ногах. Я жалел об утраченных воспоминаниях и хотел вернуть их во что бы то ни стало. Но, похоже, потерялось нечто большее, чем мое прошлое.

– Не ты первый, не ты последний, кто при нашем деле оказывается без памяти, – попыталась приободрить Фри. – Многие менялись до неузнаваемости...

– Да, но скольких протекторов после такого обвиняли в

связи с Тьмой? Я был сплитом! Люди никогда от такого не излечивались.

– Но сейчас все хорошо, – напомнила Фри. – Да, ты и вправду был чудовищем, и пускай причины обращения мы не знаем, главное, что все вернулось в норму. Кризис миновал.

– А если нет?

– Что ты имеешь в виду?

Я выждал еще несколько мгновений, пока наконец вновь не ощутил странное тепло в груди. Оно сопровождало меня с тех самых пор, как я очнулся в переулке.

– Я чувствую себя как-то не так. Не так, как должен.

– Мне кажется, это логично, – нахмурилась Фри. – Любой на твоём месте чувствовал бы себя не в своей тарелке.

– Нет, я не о том...

– В тебе действительно что-то поменялось, – отметил Дан, склонив голову набок. – Общаться с тобой определенно легче – ты больше не перечишь каждому моему слову. Пусть тебе сейчас многое непонятно, мы поможем и будем твоими путеводителями в этом внезапно непонятном и вновь новом мире! И, конечно, мы не позволим не расположенным к здравомыслию персонам из Соларума уничтожить то немногое, что осталось от твоей памяти.

Фри положила руку мне на плечо.

– И не с таким справлялись, – улыбнулась она, стоя так близко, что можно было разглядеть каждую бледную вес-

нушку на ее круглом лице и каждую крапинку в сиреневых глазах.

Я коснулся руки Фри. Не удержался. Мне требовалось узнать причину, по которой мы все здесь оказались. Только при телесном контакте мне удавалось заглянуть в чужие души. В воздухе тут же вспыхнули искры, и реальность всколыхнулась водной рябью. Темное пространство и сотни свечей, овеянных фиолетовым пламенем. С их гладких боков вниз горкой стекал горячий воск. Озаренный светом, я наполнялся надеждой и медленно забывал обо всем, что творилось снаружи.

Совершенство цвета.

Но я заставил себя встряхнуться и быстро двинулся меж свечей, огибая восковые лужи. Мне было необходимо найти ответы. У душ имелось отличное свойство: время здесь текло медленнее, чем в реальном мире, – а еще в них хранилось абсолютно все, что человек видел, слышал, чувствовал. Все мечты и воспоминания, собранные в одном месте. Мы постоянно что-то забываем, но все прожитое, если оно не выжжено, остается в душе, так что любой отрезок жизни всегда можно достать, если найти правильный путь. И чем новее воспоминания, тем легче их обнаружить.

Потому я без труда нашел нужную свечу и коснулся ее.

Воспоминание развернулось во всей своей красе и стремительной порожистой рекой унесло меня в тот самый вечер, когда все произошло.

В воздухе стоял тяжелый стальной запах, покрытое плотными тучами небо темнело, извергая из себя противную морось. Улицы города, которые даже в свете дня казались грязными и неприветливыми, напоминали те подозрительные районы, где при себе желательно иметь что-нибудь для защиты от столь же подозрительных личностей.

Фри нашла меня не просто сидящим, а дремлющим на обочине дороги в компании верного лука. Я не спал около двух дней, пытаюсь выполнить навязанное наставницей задание.

Она осторожно подкралась ко мне со спины.

– Солдат, подъем!

От неожиданности и испуга я грохнулся прямым в лужу.

– Тебя бы сплит сожрал, а ты б и не заметил! – подтрунивала Фри, давась от смеха.

– Ты опоздала! – Я сердито вскочил и принялся отряхиваться, стараясь придать себе невозмутимый вид. – Фри, какого черта?!

Что-то в собственном лице показалось мне отталкивающим. Нечто, запрятанное в самой глубине глаз. То же не понравилось и Фри.

Я из прошлого вытянулся и посмотрел на наставницу с нескрываемым раздражением и даже гневом.

– Ладно, извини, – примирительно сказала Фри и пихнула меня в плечо. – Меня задержали, но я спешила как могла!

Ветер усилился, срывая с деревьев омертвелую листву. Пока мы шли, Фри натянула на глаза затемненные очки из синеватого орфостекла, чтобы при случае улавливать все темное и опасное. Благодаря этому стеклу она свободно видела слабые следы Света (голубые) и Тьмы (оранжевые), прорывающиеся сквозь глаза проходящих мимо людей. В моих зрачках отчетливо мерцал исключительно Свет.

Я достал блокнот и начал отчитываться, без конца проклиная Фри на чем свет стоит за то, что она бросила меня на три дня.

– Я черт знает в скольких тысячах километров от родного дома и нормальной еды! – негодовал я. – Перебиваюсь кофе и сухарями. Выслеживаю одного кандидата круглые сутки без какой-либо помощи! Почему бы тебе не стать хоть немного ответственной?

– Я дала тебе возможность поработать в полевых условиях, – пожалала плечами Фри. – Ты ж умник, должен понимать, как важно познать великое дело и эту крохотную часть Бесконечной войны с основания... Понять природу кандидатов, вычислять их в толпе без лишней работы адьютов и...

– Тебя просто ткнули носом в то, что ты мной не занимаешься, – буркнул я. – Ты меня обучаешь раз в неделю в лучшем случае. Вечно ведешь себя как ребенок! Серьезно, я без тебя узнал гораздо больше о мире Света и Тьмы. Ты

просто спихиваешь меня на подобные задания, чтобы никто не задавал вопросов о твоей компетентности!

Фри будто камень проглотила, но немедленно встряхнулась.

– Ну а чего ты в Архиве постоянно ошивался на виду? Ладно бы упражнялся с оружием, но лазать по пыльным стеллажам! Вечно в книгах! Совсем не тренируешься!

– Я тренировался умственно. Тебе бы тоже не помешало. А из лука я и так прилично стреляю.

– Ой, да ладно! Никакая книга тебя не выручит, когда черная тварь придет по твою душу!

Только теперь я вспомнил, из-за чего там оказался.

Фри дала мне задание отыскать кандидата – человека, повредившего душу. Протекторы этим не занимались, они приходили, лишь когда адъюты уже собрали все нужные сведения, чтобы мы знали, кого требуется устранить. Но дело неожиданно поручили Фри, а та, в свою очередь, решила отправить меня рыть носом землю, лишь бы я не мозолил глаза остальным протекторам и, не дай Свет, кому-то рангом повыше. Преширяться я долго не стал – любой опыт ценен. Легкие следы Тьмы было несложно найти – они есть везде, но крупные участки вполне могут означать присутствие чего-то опасного. Воспользовавшись набранными в Архиве знаниями, я вышел на одно многоэтажное здание. Именно неподалеку от него и подавали сигналы индикаторы – белые пузатые фонари, которые можно было встретить в любом насе-

ленном пункте мира. Чем индикатор краснее – тем ближе Тьма. А в этом районе они из белого частенько становились желтыми, а один единожды налился оранжевым цветом. Я долго шатался от двери к двери, проверяя эфирное состояние каждой квартиры. Проблемной, к счастью, оказалась всего одна.

Мы подходили к нужному дому. Горящие окна светляками озаряли нагрывшую темень. Я шел быстро, каждое движение казалось резким, уверенным.

– Я все узнал, и ошибки нет. Да вот только мало ли что. Вечно все идет не по плану.

– Ой, да брось. – Фри поднялась по обшарпанным ступеням. – В этой семье и так станет одним ртом меньше. И уж лучше это произойдет по нашей вине.

Фри дернула заржавелую дверь, и глухая темнота лестничной площадки проглотила нас целиком.

– А почему адъюты не помогали? – спросила Фри, дожидаясь меня, потому что я задержался у входа. – Их в дозорном пункте штук пять точно.

– Откуда мне знать? – снова стал раздражаться я. – Может, дело в том, что одному всего двенадцать, второму уже дважды за тридцать, третий и четвертый «патрулируют окрестности» в соседнем кафе, а пятого я вообще не видел, так как он просиживает штаны у себя дома?

– Ты зол, – с печалью отметила Фри.

– Да просто достало выполнять работу адъютов. Это они

должны проверять подозрительные места! Я же протектор! *Наша* работа заключена в том, чтобы выходить на вызов и устранять кандидата или сплита до того, как он заберет еще одну человеческую душу. Мы должны таким образом помогать звездам. Защищать людей от темной напасти. А вместо этого я как маньяк часами преследую человека, мокну под дождем и не сплю потому, что этот черт любит ночные прогулки. Разве я этим должен заниматься? Вот ты позавчера была в Чили, вчера в Австрии, а сегодня...

– А сегодня я здесь. – Голос Фри внезапно натянулся канатом. – С тобой.

Я не сдержался и с презрением фыркнул. Мне не было известно тогда, но я нынешний чувствовал: Фри задела такая реакция. Она постоянно думала о том, как же мне подсобить, как подготовить к этому жестокому миру. Я появился в Соларуме всего три месяца назад и уже достиг больших успехов, но многое еще было впереди. И Фри волновалась по этому поводу как никто другой, несмотря на все мои выпадки и ворчания. Она еще не привыкла ко мне – провозилась со мной всего месяц, взяв в обучение при печальных обстоятельствах. Фри до сих пор не знала, как со мной уживаться, и все больше сомневалась, что это вообще возможно.

Но она просто хотела помочь.

– Ты снова не взял нормального оружия, – решила сменить тему Фри. Ей крайне не нравились мои плохие успехи с мечами.

– У меня есть лук и стрелы.

– А если монстр нападет? Что насчет ближнего боя? Сам знаешь, что попадание лезвия в центры эфира скорее убьет сплита, чем стрелы и тем более пули. Раны больше, а значит, и толку тоже. Огнестрел вообще нежелателен, вечно все бо-
ются приближаться и промахиваются.

– Ты же сама знаешь, что итог один, – хмыкнул я, огля-
дывая потрескавшуюся и вздувшуюся пузырями краску на
стенах. – Обезьяна с мечом будет и то опаснее меня. Но не
бойся, я набрал светозарного огня. Я стараюсь продумывать
все на два шага вперед.

Сферы с огнем лежали в специальном стальном контей-
нере, что крепился к поясу. Тот был небольшим и не давал
стеклу биться во время падений и боев. Светозарный огонь
был буйным, постоянно колыхался в сфере и через дырки
контейнера отпугивал мрак желтыми и синими искрами. Си-
ла, рожденная звездами.

– Спалишь все к чертям. – Фри поморщилась.

– Я не перенял эту черту от моего прошлого наставника, –
парировал я, вставая у потертой двери, заодно прикладывая
к глазу окуляр. – Да и у меня есть нынешний прекрасный
наставник, который покрошит всех за меня.

– А ты знаешь толк в комплиментах, – улыбнулась Фри.

Через стекла очков ей были отчетливо видны рыжие нео-
новые пятна. Темный эфир. Не сказать, что нужная нам
дверь была прям уж беспросветно им залита, но следов на

ней было несколько больше, чем в других местах. И самое важное, что здесь почти не нашлось голубоватых пятен Света. Если Тьмы и Света поровну – то все отлично. Но тут Эквилибрис был явно нарушен.

Фри достала энергласс – толстый прямоугольный кусок стекла в серебряной оправе. С помощью него можно выйти на сеть Соларума, связаться с товарищами или же проверить местность по дополнительным параметрам, чем Фри и занялась. Затем она привстала на носки, чтобы дотянуться до звонка. Вскоре по ту сторону раздалось шарканье.

Дверь приоткрылась ровно настолько, насколько позволила цепочка. Резкий желтоватый свет упал на грязную плитку лестничной площадки, и в щели показалась высокая фигура. Это был скала-отец. Темные волосы, выступающий подбородок с недельной щетиной. Мрачный и молчаливый.

– М-м? – протянул мужчина.

Я немного стушевался, но вот Фри все было не впервой.

– Вечер добрый! Надеюсь, мы не слишком поздно? Вычищаем нечисть и тараканов из жилищ, можно войти?

Звякнула цепочка, дверь на миг закрылась. Затем свет вновь озарил пространство.

– Манипулируешь человеческими душами на полную катушку? – спросил я.

Фри с превосходством подмигнула.

– Главное – посыл. Говори любую чушь, но если знаешь, как управлять Светом их душ, то они выполнят все, что за-

хочешь. Впитывай, пока я жива.

Мужчина уже пропал где-то в глубине квартиры, и мы осторожно шагнули за ним. Теперь требовалось считать, что это вражеская территория. На все про все не больше получаса. В лучшем случае – меньше, в худшем – Лазарет.

Фри вытащила небольшую квадратную стекляшку, внутри которой кровью была запечатана манипуляция, и разбила ее у входа, чтобы создать ловушку для Тьмы.

Обстановка представляла собой что-то милое и одновременно безликое. Желтоватые обои в цветочек, ворсистые ковры под ногами, мебель блеклая, скатерти чистые, книги на полках в идеальном порядке. Ни одной рамки с фотографиями или завалывшегося в кресле журнала. Везде убрано и пусто. Бездушно как-то.

– Я почти все проверил и установил тут три индикатора. Но сигналов нет, – произнес я, осторожно заглядывая в одну из комнат.

– Лучше доверять темным, чем этим барахлящим штукам.

Фри выудила один из своих любимых клинков, как обычно готовясь к внезапному нападению. Я же перебирал в руках единственный имевшийся при себе нож. Мужчина и женщина сидели в гостиной, не обращая на нас внимания. Одно из свойств протекторов – при желании заставлять души приземленных забывать о нас и нашем присутствии. Морок скрывал от людей любые проявления Света и Тьмы по

умолчанию.

На кухне мы нашли маленькую девочку. Та что-то рисовала цветными карандашами. Круглолицая, со светлыми кудряшками, в клетчатом голубом платье. Интересы у девчуски мы тоже не вызвали.

Остался последний рубеж – комната пацана. В прошлый свой визит я почти зашел туда, но парень неожиданно решил вернуться домой, и мне пришлось тактически отступить через окно.

Замок щелкнул, дверь со скрипом открылась в новую, казалось бы, идеальную, щекочущую нервы темноту. Оттуда потянуло чем-то сладковатым. Очки свободно позволяли видеть во мраке, но здесь не нашлось ничего аномального, за исключением мятых джинсов, свисающих с настенных полок. Обычная захламленная комната подростка. Мы начали проверять ее на предмет темного эфира. Не упустили ни одной детали: ни бумажки, ни мебели. Пока я сканировал люстру, Фри, забывшая об опасностях, которые могут таить в себе бельевые шкафы, оказалась придавлена грудой тряпья.

Я не сдержал насмешки, когда из-под завала показалась голова наставницы.

– Меня к такому не готовили, – проворчала она, поправляя ремешок очков.

Пока девушка выбиралась из «ловушки», я проверил рабочий стол и окно, но ничего не нашел. С тяжким вздохом сел на измятую кровать и подпер кулаком подбородок.

– Похоже, придется задержаться.

– Да, – согласилась Фри, садясь рядом. – Если явных следов нет, то это даже хорошо. Либо кандидат на ранней стадии, либо он не кандидат вовсе и искать нужно в другом месте.

– Ничего с ним не в порядке, – жестко настоял я. – Я сам все проверил. Ошибки нет. Но за эти дни он ни разу не подал знака и даже не попытался кого-либо прикончить... Почему он не может побыстрее начать жрать души?

– Это полностью твое задание, как мы и условились, и я не вмешиваюсь в твои умозаключения, лишь проверяю результаты. Но ты пробыл тут три дня и самое выдающееся, что ты отыскал, – нарушения Эквилибриса. И при этом ты уперся рогом, что именно этот человек – кандидат? Почему?

– Чутье. Я видел его со стороны. Адекватным этого пацана назвать никак нельзя.

Фри деловито вскинула бровь.

– Я верю тебе. Косяков за тобой пока не наблюдалось, но кто его знает. Эта работа – настоящий бедлам.

Я пожал плечами.

– Бедлам, да, но приятно осознавать, что все четко поделено. Добро и зло, Тьма и Свет. Без равновесия все ломается. И вот этот пацан тоже сломан. Нам нужно устранить его, пока он не стал высасывать Свет из душ близких. Свет – хорошо. Тьма – враг. Проще жить с такими понятными законами.

Таков был этот мир. Вся Вселенная была поделена на чер-

ное и белое – Свет и Тьму. Между ними всегда существовал хрупкий Эквilibрис, и его было необходимо поддерживать. Такие, как я и Фри, служили Свету и не давали Тьме распространяться в пределах этой планеты.

Фри пробрала дрожь от моего прямого и холодного взгляда. Ее пугала откровенность в подобных вещах, хоть это и были общеизвестные истины. В начале протекторского пути никто не относился к миру Света и Тьмы так же спокойно и непринужденно, как я, и это беспокоило Фри.

– Какой же ты хладнокровный. Нельзя так говорить. А то будешь как Паскаль, а это не к добру.

– Почему же? – усмехнулся я. – Мне нравятся его взгляды на мир. Они правильные. Фри, ты на этой работе сколько? Восемь, десять лет? С этой вечной молодостью протекторов не разберешь. Я за эти месяцы понял, что по-другому тут не выжить. Нужно категорично смотреть на тех, кто больше не человек.

– Когда-то они были людьми.

– Да, но что с того? – Я развел руками. – Вы все учили меня, как это происходит. Цепочка одна и та же. Внутри людей всегда существует два эфира – Свет и Тьма. Но вот Свет исчезает и больше не вырабатывается, в душе происходит раскол, тело отдается оставшейся в нем Тьме. Эквilibрис-равновесие нарушается, и все летит в тартарары. Кандидат – уже не человек. Голодный монстр. И вот это лишенное Света чудовище начинает искать недостающий эфир в других людях.

Ставит на них метку и начинает питаться, превращая жертву в еще одного полного Тьмы кандидата. Выжирает весь Свет и целый осколок души. Порочный круг, Фри. Монстр забирает Свет у другого человека, тот забирает у еще одного, и так без конца. И только мы, протекторы, можем остановить это. При этом я даже не буду напоминать о второй стадии этих тварей...

– Молодец, теорию знаешь. Но это мало что меняет.

– Да ты сама постоянно в охоте!

– На сплитов, не на кандидатов. – Она отвела глаза. – Пускай они почти то же самое, но выглядят и ведут себя менее человечно.

– С этим поспорить не могу, – сказал я и пнул носком сапога валяющуюся на полу футболку.

Взгляд зацепился за ярко-оранжевое пятно, сверкнувшее в куче. Я тут же вытащил оттуда хлопковую рубашку, усеянную следами.

Когда Фри включила свет, выяснилось, что мы нашли больше, чем хотели. Вся ткань была покрыта черной липкой жижей. Противные сгустки пропитали рубашку насквозь, издавая тот самый сладковатый душок гнили. Я выронил улику.

– Темная гниль...

– Жижа сплита, – проворчала Фри, тыкая клинком густую массу. Та стала с шипением испаряться от прикосновения мерцающего серебра. – А это значит...

– Пацан уже обращается, – закончил я.

Фри неуверенно кивнула.

– Черт, зря я тебя сюда отправила. Со сплитами тебе рановато видеться. Ты еще даже апогей-посвящения не прошел!

– Но я хочу! Когда еще учиться?

– Нет! Мы уходим. Немедленно.

Выйти мы так и не успели. Входная дверь распахнулась. Старые половицы скрипнули. На пороге появился единственный недостающий член семьи.

Мальчик-сплит.

Мы так и остановились, не отрывая глаз друг от друга. Он – невысокий, худощавый, с темными волосами, как у отца, и большими, словно у теленка, глазами. Сплит. Мы – люмен-протекторы, пришедшие устранить противное Вселенной существо.

Но вот загвоздка – установленная ловушка не сработала.

– Фри, – тихо начал я, и в моем голосе чувствовалось явное раздражение, – а ты точно использовала правильную манипуляцию?

– Э-э, – озадаченно донеслось от нее.

Как по сигналу, огромные глаза парня окрасились блестящей чернотой, гася в нас оставшиеся сомнения. Он оцетинился и пулей рванул прочь.

– Уйдет! – охнула Фри, позабыв о том, что меня якобы надо спасать. Азарт забил по ее жилам.

Мы ломанулись вслед за тварью, скользя по темной лест-

ничной площадке, едва не спотыкаясь и не падая на твердый пол. Топот эхом отдавался от пыльных стен, мрак камнем давил со всех сторон, словно стараясь утянуть на непроглядную глубину. Я мало-мальски освещал путь желтой сферой. Внизу раздался устрашающий вой. Фри перемахнула через перила и, преодолев пару оставшихся метров, тут же замерла.

Фигура прямо на наших глазах устремилась в открытый проход, но незримая преграда со вспышкой оттолкнула ее в темноту.

– Какого... – удивленно заморгала Фри.

– Да я предположил, что что-то, как обычно, пойдет не так, и поставил односторонний барьер на вход, – сообщил я.

– Напомни потом, чтобы я дала тебе хвалебное печенье, – усмехнулась она, доставая фонарь.

Из него вырвался серебряный свет, озарив забившееся в угол существо. На человека оно уже мало тянуло. Тварь с тихим хрипом пыталась отгородиться от болезненного свечения. Из лацканов куртки обильно сочилась густая чернь, с омерзительным хлопом падавшая на пол. Количество черной массы опасно увеличивалось, как и сшибающая с ног вонь.

Кандидаты опасны не только из-за своей жажды, но и потому, что в любой миг могут обратиться в сплита – мерзкую тварь, одно из проявлений Тьмы на нашей планете. Страшные для нас, но пешки и расходный материал в Темной ар-

мии. Сплиты, в отличие от кандидатов, не крадут Свет у постороннего человека, оставляя его оболочку в живых. Они просто разрывают тело, убивают человека и сжирают душу целиком.

– Давай быстрее, – поторопил я. – Чтоб не как в прошлый раз.

– В прошлый раз кандидат даже не успел до конца обратиться, – шикнула на меня Фри, потрянув клинком.

– Да, но он ухитрился прокусить мне форму в районе печени. А если этот обратится в столь узком пространстве – нам хана!

Фри и так понимала, что мы затянули, а это главная ошибка в нашей профессии. Поэтому в следующий миг она сорвалась с места и замахнулась на врага.

Неожиданно тот отпрянул в сторону, и оружие Фри ударилось об стену, оставив здоровую отметину. За те мгновения, которые чудище перемещалось, Фри успела заметить, что покрытые темной гнилью части тела уже начали гнуться, будто резина. Чернь все густела, переставая загрязнять пол и наращивая бездушной оболочке массу. Рывок – и монстр метнулся к Фри. Та отскочила и нанесла еще один удар. Существо уже набралось нечеловеческой ловкости, и нацеленный в грудную клетку клинок только чиркнул по внезапно вырвавшейся из ребер конечности. Протекторша попыталась отступить, но тут тварь ударила ее в живот с такой страшной силой, что Фри кубарем вылетела на улицу...

Меня выбросило в реальность так же резко. Фри убрала руку, не дав досмотреть воспоминание. Виной тому оказалась окликнувшая нас Нерман.

– Ладно, – протянул Дан. – Пора уже узнать, что здесь происходит.

Глава VIII

Чужая кровь

Та комната была плохо освещена. Стены обшиты клепа-ным металлом, на полу белая плитка. Повсюду развешаны какие-то таблицы. В центре помещения стояло мягкое кресло, чем-то напоминающее кресло у дантиста.

– Так, это уже странно, – высказался я, обращаясь к на-страивающей аппарат Нерман. – Чем ты тут занимаешься?

– Я военный лекарь, – не отвлекаясь, ответила она. – Хотя больше занимаюсь осмотром душ на предмет всяких неду-гов. Сейчас я во временной отставке, поэтому живу подаль-ше от боевых полей и помогаю местным.

– Надеюсь, у души Макса не произошел раскол, – как бы между делом вставил Дан.

– Раскол? – Я склонил голову набок. – Послушай, все это хорошо, но ты ведь не забыл, что я многого не помню о ду-шах, заоблачниках и протекторах?

– Макс, ты же знаешь, что душа – это некая материя, – начала объяснять Фри. – Она состоит из трех осколков. Они растут за счет воспоминаний, эмоций и ощущений. Можно сказать, что в воспоминаниях наша сила. И чем больше все-го этого, тем сильнее и больше вырабатывается душой энер-гия Света и Тьмы, которые в общем называют эфир. И вот когда осколки перестают работать сообща, доводя душу до

безумия, нарушая выработку эфира и видоизменяя оболочку, как в случае со сплитами, это и есть раскол.

Дан оперся на спинку кресла и глянул на Нерман.

– А по-другому нельзя? Этот способ для приземленного... не совсем безопасен.

– Ты сам знаешь, что это самый быстрый путь для выявления большинства из свойств эфира, – ответила Дану заоблачница. – Делать это вручную слишком долго.

– Не совсем безопасен? – Я занервничал. – Что может произойти?

– Всякое. – Нерман задумчиво нахмурила лоб. – Кома, полная потеря памяти...

– Что?!

– Она шутит, – рассмеялся Дан.

– Нет, – с серьезным лицом ответила планетарша.

– Мне это не нравится, – тихо сказал я.

– Слушай, вы сами сюда пришли. – Нерман отогнала Дана от кресла и наклонила спинку в более горизонтальное положение. – Я помогаю вам из чистого интереса к ситуации и потому, что кое-что ему задолжала. – Она мотнула головой в сторону Дана. – Это не за мной гонятся протекторы. Тебе же надо понять, все ли в порядке с твоей душой?

Она потянула за рычаг, и прямо над креслом зажглась крупная сфера. Вокруг нее витали две маленькие.

– Садись.

Фри подтолкнула меня вперед.

– Не бойся. – Она взяла меня за руку, наполняя пространство фиолетовыми свечами. – Мы будем рядом.

– Итак, что мы имеем. – Дан обходил кресло по кругу. – В естественных условиях люди становятся сплитами только после этапа кандидата, а тот длится минимум несколько дней. Но быстрое обращение – как в случае с Максом – может произойти только при каком-то серьезном стороннем влиянии. Что-то очень стремительно рассекло связь осколков, нарушив правильную работу души и, вероятно, стерев половину воспоминаний. И теперь эфиры неопределимы. Явная защита...

– Которую мы попытаемся сломать, – сосредоточенно заявила Нерман. – Но исцеление раскола здесь совсем из ряда вон. Впервые вижу приземленного, который смог вновь вернуться в норму. Даже у эквилибрумов раскол практически неизлечим.

– Но у Макса это вышло! – усмехнулся Дан. – Возможно, мы на пороге открытия потрясающей панацеи? Представьте – излечивать сплитов, возвращать их в чувство! Да тогда даже протекторы больше не будут нужны!

Когда я сел в кресло, планетарша развернула в воздухе световые панели, испещренные различными символами. Нажав пару из них, она заставила витающие в воздухе сферы сиять ярче. Появилось неприятное ощущение, что из меня что-то вытягивают. Я не понимал, что происходит, лишь усиливалось чувство потери. Вязкое, холодное. На фоне доно-

силось неразборчивое бормотание.

Долгое время ничего не происходило. Я просто бездумно погружался в темноту, тонул в ней, растворялся. В этой темноте метались красные искры, которые точно оторвались от несуществующего костра и теперь носились по воздуху, стараясь найти себе новую цель для существования. И вдруг до меня начали долетать негромкие обрывки фраз.

«Оно не должно восстановиться вновь».

Голос был далек и тих, как ветер. Он вырвал меня из забвения.

– Что? – обратился я к пустоте.

«Сделай это. Ценой жизни».

Внезапно голос сменил тональность, будто разговаривали двое:

«Без этого нельзя жить».

«Тогда мы все умрем. Но пожертвовать собой кто-то должен».

Я поморщился от резкой боли в груди. Тихие фразы напоминали отголоски воспоминаний в чужих душах – иногда мне удавалось увидеть полноценную картинку, но некоторые моменты прошлого были настолько ценными и тайными для разума, что в лучшем случае я улавливал лишь их отзвуки, а в большинстве случаев – не слышал их вообще.

Резкий звук прорвал мрак, и я едва сдержался, чтобы не закрыть ладонями уши.

– Что происходит? – в страхе спросил кто-то.

– Я не знаю! – отозвался другой, явно паникующий голос. – Так не должно быть!

– Сделай что-нибудь! – приказал третий.

Жар стал нестерпим, и красные искры загорелись адским пламенем, с ревом обрушившись на меня. А затем что-то ослепительно вспыхнуло. По телу разлилась странная, ни на что не похожая сила. Эта мощь сводила с ума, дробя каждый атом моей оболочки. Раздался громкий хлопок. Красный огонь озарил все вокруг.

Я не мог открыть глаза. Вокруг повис запах гари, сердце подскочило к горлу. Кровь выдавала в ушах безумную дробь.

– Макс! – Меня лихорадочно трясли за плечо. – Очнись!

Все плыло. Я зашелся в кашле и тут же ощутил, как тело налилось болью, словно я несколько дней таскал огромные валуны.

– Какого тарта это было?! – воскликнул Дан, который почему-то поднимался с пола. – Это...

– Он сбил все настройки! – негодуя воскликнула Нерман, заново включая панели.

– Тебя только настройки волнуют?! Это был не цвет эфира протектора! Это даже не эфир!

– Я знаю, – напряженно ответила заоблачница, продолжая тыкать по панелям.

Я сфокусировал взгляд на Фри и тут же сник. На ее лице застыл ледяной ужас. Она все еще удерживала меня дрожащей хваткой.

– Как ты это сделал?

– Сделал что? – прохрипел я, вполуха слушая ругань Дана и Нерман.

– Тот Свет, – потрясенно произнесла она. – Я ни разу не видела, чтобы кто-то из протекторов так мог.

– Наверняка видела, – одернула ее заоблачица, выводя на панель графики. – Но не у протекторов.

Глаза Дана быстро забегали по строкам, все больше округляясь от неверия.

– Это возможно? – осторожно спросил он у Нерман. Судя по виду, протектор не знал, что и думать.

– Я так не считала. – Нерман хмуро свела брови. – Но Эк-вилибрис постоянно заставляет меня понять, как же сложна Вселенная.

Дан достал нож.

– Что ты делаешь? – встревожилась Фри.

– Хочу убедиться, – сухо ответил он, взяв мою ладонь.

Море в его душе рокотало. Волны пригоняли с собой негодование и растерянность.

Мою ладонь прожгла острая боль.

– Черт... – пораженно выдохнул Дан, отшатнувшись.

По спине пронесся рой мурашек.

– *Что это?!* – ужаснулся я, вжавшись в кресло.

– Это же не... – Фри не нашла в себе сил закончить предложение. Страх поглотил ее с головой. – Это невозможно!

– Что со мной? – Я резко сел. – Почему она такая?!

Из небольшого пореза текла не кровь, а жидкость серебряного цвета.

– Всепроникающий Свет... – Голос Фри прозвучал тверже, но глаза все выдавали. – Ты оказался прав. Снова.

– В чем?

– В своих ощущениях. Попытайся вспомнить, у кого серебряная кровь и кто использует огненную разрушительную силу.

Я старался, но блестящие капли, разбивающиеся о пол, не давали мне сосредоточиться.

– Звезды, – с тяжестью в голосе произнес Дан. Он выглядел так, словно ему на плечи рухнул камень. – Только у них есть этот спектр. Наивысший. Ты создал красный светозарный огонь.

Шестеренки в моей голове завертелись.

– Так что же выходит, мне вживили осколок звезды?

– Получается, что так, – отозвалась Нерман. – Голубой, белый, желтый, оранжевый, красный. В тебе наивысший красный спектр. Слияние душ. Ты – *монструм*. Так принято называть тех, кто имеет подобные отклонения с осколками.

– Но кому это понадобилось? И если во мне осколок кого-то другого, то где же мой собственный?

– Мы это выясним, – пообещал мне Дан. – Так все оставлять нельзя. Во всяком случае, теперь можно предположить, что твои исчезнувшие воспоминания не стерлись, а остались в похищенной части души.

Он преобразился. К нему вернулась уверенность.

– По крайней мере, мы уже кое-что знаем на сто процентов.

– И что же?

– Что Тьмы в тебе быть не может.

Не успел он этого произнести, как снаружи грянул взрыв.

Глава IX

Их след в глубинах отражений

Солнце клонилось к закату. Район казался Стефану архитектурной катастрофой – кого-то должны были посадить за подобное убожество. Нужный дом уже виднелся вдаль – такой же нелепый и жалкий, как и все вокруг него. Стефан и Сара до сих пор обменялись лишь десятком коротких фраз. Но молчание в присутствии этой девушки не казалось чем-то неловким. Не станешь же ругаться на уют, что он молчалив? Вот и Сара имела схожий с ним спектр эмоций. Проблемой было другое – Стеф так и не смог придумать, как от нее отделаться и как незаметно и безболезненно провалить задание. Чем ближе они подходили к дому, тем тяжелее становилась его тень. Стеф до сих пор не знал, как быть: поймать Максимуса или отпустить его в руки к эквилибрамам. Потому решил плыть по течению, на ходу выбирая меньшее из двух зол.

– С тобой что-то не так. Ты бледнее обычного, – отметила Сара, когда они поднимались по лестнице. – Плохо себя чувствуешь?

– А что, волнуешься? – скептически уточнил Стеф.

– Просто констатирую факт. Если ты не в форме, то можешь быть бесполезен на задании.

Он закурил, пока Сара скрупулезно осматривала лестнич-

ную площадку в поисках темного эфира. Стеф мысленно молился всем высшим силам, чтобы никакая гадина не напала на них исподтишка. С одной стороны, ему просто не хотелось марать руки, а с другой... По телу пробежала дрожь неприязни. Ему не хотелось, чтобы Сара в бою вызывала свою мерзкую квинтэссенцию. Да, штука сильная, но Стефану каждый раз становилось не по себе от того, каких чертей Сара хранила в душе.

От неприятных мыслей Стеф отвлекся, лишь когда Сара еле слышно хмыкнула.

– Адьюты говорили, что именно эту квартиру вчера зачистили Фри и Максимус, – произнесла она, кивая на выцветшую дверь. – Но здесь нет отклонений. Как и любых признаков эфира. Словно...

– Словно бы их вычистили, ага. Тут же вчера была чистка, понятное дело, что эти двое выжигали Тьму.

– Но тогда зачем они уничтожили и Свет?

На это Стефан лишь нахмурился. Подождав, пока Сара отворит дверь, он вошел внутрь и стал без интереса осматриваться. Квартирка казалась ему такой себе – безвкусная, отталкивающая. На какой-то миг причудилось, что здесь пахнет чем-то горелым, но запах стремительно улетучился. Сара скрылась в одной из комнат, а Стефан медленно пошел вперед по затертому ковру. Пронесшийся по спине холодок заставил его обернуться. Здесь же все было в порядке – так почему его сердце колотилось о ребра с такой силой? Водо-

лей хмурился все сильнее. Он видел семейную пару, сидящую на кухне. Они пили чай и о чем-то тихо переговаривались. Стеф прислушался к ним, не понимая, что его беспокоит. Их взгляды – уставшие, стеклянные, как у кукол, – были рассеянно направлены в случайные точки. Чем дольше он стоял и безмолвно внимал их трепу, тем больше убеждался – в их разговоре почти не было смысла. Слова порой казались случайными, иногда долго вспоминались. Но эти двое словно и не замечали подвоха, лепетали, точно дети на выдуманном языке. От этого бормотания Стефу стало не по себе.

– Связи в их душах спутались, – внезапно сказала Сара.

Стефа чуть не хватил инфаркт. Сара хорошо умела подобраться сзади так, чтобы ее не заметили. Она стояла как обычно, расправив плечи и сложив за спиной руки, и бесстрастно смотрела на супругов.

– Похоже, что-то часто тревожило их морок.

– Да, – согласился Стеф, задумчиво потирая шею. – Но даже проживание с сыном-сплитом вряд ли бы их до такого довело. Такая чертовщина требует намного более основательного вмешательства.

– Именно. – Сара кивнула и перевела взгляд на Стефана. – Кстати, о чертовщине. Ты был в комнате сплита?

– Мельком ее видел. Я прочел, что именно там они нашли гниль.

– Да, но ты не заметил ничего странного?

Стеф молча выжидал, пока она продолжит, но, когда ти-

шина затянулась, вспомнил, с кем имеет дело, поэтому признался, что понятия не имеет, о чем речь.

Сара заправила рыжую прядь за ухо и посмотрела в сторону темной комнаты – свет там так и не включили.

– В отчете сказано, что Макс и Фри имели дело с четверьмя членами семьи: матерью, отцом, сыном и дочерью. Но здесь одна детская. И в ней всего одна кровать. Я не заметила ни девичьих игрушек, ни одежды.

Услышав это, Стеф удивленно покосился на комнату мальчишки.

– погоди, это что еще тогда значит?

– Пока не знаю.

Стеф снова осмотрелся через окуляр с орфостеклом – Света и Тьмы почти не было видно, аномально.

– Тут кто-то все основательно подчистил.

– Может, что-то осталось в зеркалах?

Стефан подошел к большому зеркалу над комодом. Он мельком взглянул на собственное отражение, которое, казалось, корчило ему кислую мину. Темные круги под глазами никак не спасали общую унылую картину.

Сара пронаблюдала за тем, как он открыл записную книжку и стал искать нужные ему метки.

– Почему ты до сих пор не используешь для этого энерг-ласс? – поинтересовалась она. – Записывать столько информации непрактично.

– Да ну, – отмахнулся Стеф, доставая стальное перо с кро-

вью. – Ваша техника убивает весь процесс. А я больше по старой школе.

Он быстро начертил на стекле манипуляцию – круг, а в нем полдюжета связанных меток. Стефу даже черновое уравнение было не нужно – он всегда знал, какие символы отлично работают с другими. Он редко ошибался. Сара тоже это понимала, потому никак не упрекнула его, когда в зеркале ничего не появилось.

– Вряд ли Макс или Фри стали бы вычищать эфиры на столь глубоких слоях, – заключила она. – Если им нечего было скрывать.

– Не думаю, что это кто-то из них, – хмуро заявил Стефан, переходя к следующему зеркалу – задней стенке серванта.

И вновь он потерпел неудачу. Свет и Тьму вычистили из каждого зеркала, а значит, и все старые отражения.

– Мне кажется, что все они пусты.

– Ты не представляешь, как сильна бывает лень.

Стефан начертил манипуляцию на зеркале в коридоре и прислушался. С кухни все еще доносился лепет супругов. Они бормотали и бормотали, бессвязно и уверенно. Стефан чувствовал, как по спине бежит холодок.

– Что-то есть.

Сара подошла ближе – как раз чтобы увидеть мутные образы прошлого. Картинка казалась еле различимой – ее почти уничтожили, как и всю остальную память зеркала. Но людские нетерпеливость и лень всегда оставляли лазейки.

Потому в отражении и сохранился образ прошедшего мимо человека. Ни протектором, ни жильцом он не был, но Стефану он все равно был знаком.

– Да быть не может...

– Думаешь, это он? Если так, то это многое объясняет.

Стефан отступил – всего на шаг – и тут почувствовал, как что-то хрустнуло под ногой.

Они пропустили эту половицу, когда заходили. Не заметили прямоугольного стекла-накопителя. Как только оно треснуло, Стефу показалось, что схожий звук раздался где-то внутри него самого. Он похолодел, увидев бело-зеленое свечение под ногами.

– Валим! – крикнул он, выталкивая Сару наружу.

Если бы они закрыли за собой дверь, когда пришли, то потеряли бы пару спасительных секунд. За их спинами раздался гул, точно бушующее пламя или бешеный рев. В следующее мгновение повисла тишина, а после ударная волна отбросила протекторов вниз по лестнице. Здание сотряслось – со стен посыпались пыль и штукатурка, зазвенело выбитое стекло. У Стефа побелело в глазах – от боли и уже угасающей вспышки света. Рокот продолжался еще какое-то время, в воздухе повис тяжелый стальной запах, мерзко оседавший на языке. Где-то снаружи завывали автомобильные сигнализации. Сара закашлялась – на нее хлопнулся кусок штукатурки, покрыв белой пылью.

– Все нормально? – спросил Стеф, продирая глаза.

Голова страшно кружилась. Стефан коснулся лба и ощутил на пальцах кровь.

Вместо ответа Сара поднялась и бросилась вверх по лестнице – даже не перевела дух после встряски. У Водолея же все двоилось перед глазами, потому сам он не отличался прыткостью, которой и без того не обладал.

Стеф привалился к дверному косяку и осматривал опустевшее под ноль пространство. Исчезло все: мебель, зеркала, запахи. Даже обои с паркетом местами растворились. Вонь металла здесь казалась особенно сильной, в воздухе плавали бледные облачка пыли. Ничего не осталось. Даже людей.

– Их поглотил Обливион, – тихо произнесла Сара. Ее взор медленно перетекал от одной точки к другой. – Их душ больше не существует.

– Вакуумная воронка. – Стеф продолжал утирать кровь рукавом. – Черт, она ювелирно сделана, вырезан не круг, а по форме квартиры. Обычную-то сделать в наших условиях почти нереально, а тут такая! Какой псих стал бы затирать все таким способом? Это при том, что следы и так были почти уничтожены!

– Ты сам знаешь какой. Мы его видели.

Стефу оставалось только согласиться. Никому другому бы в голову это не пришло. Тут его неприятно осенило.

– Может, это была не лень. Может, он специально оставил эфир в том зеркале, чтобы мы покрутились возле него и за-

пустили реакцию. Грей знал, что мы придем.

– Здесь все-таки замешаны падшие. – Голос Сары посуровел. – Все хуже, чем мы полагали.

Стефа так и подмывало сказать ей что-то вроде «это ты еще про заоблачников не знаешь», но вместо этого он унял дрожь и произнес:

– Интересно, эта гнида правда надеялась прикончить нас или просто оставила «привет»?

Но Сара не ответила – она уже спешила вниз, такая же непоколебимая и спокойная, как и до случившегося. Стеф посеменил за ней. Приземленные начали беспокоиться – некоторые опасливо выглядывали из своих жилищ. Адьюты наверняка обставят все под пожар или рванувший газ, дабы объяснить смерть двоих людей. Стефан выбросил их из головы стремительно и с радостью.

Даже свежий воздух не спасал от стального запаха; казалось, он будет преследовать их еще долгое время. Сара уже вернулась к работе и быстро писала стилусом в энергласе, даже не подумав отряхнуться от штукатурки.

– Отчет? – полюбопытствовал Стеф, вставая рядом с ней под бледным фонарем.

– Паскаль должен знать, что здесь случилось.

– И что же, по-твоему, тут стряслось?

Тяжелый и прямой взгляд Сары мог выдержать не всякий – он пронзал не хуже ее меча.

– Падшие, несомненно, что-то сделали с новеньким. И

они не хотели, чтобы кто-то об этом узнал.

– Тогда уж могли бы не аннигилировать все к хренам собачим, – хмуро заметил Стефан. – Для заметания следов хватило бы полного уничтожения окружающих эфиров. Но падшие хотели, чтобы протекторы поняли, что это они. Хотя бы через нашу с тобой смерть.

Ни одна мышца на лице Сары не дрогнула.

– Зачем?

– Не знаю. Хотя... – Стеф напрягся от пришедшей ему мысли. – Паскаль. Если появится твердая уверенность в соучастии падших, то Скорпион стопроцентно не станет помогать Максу. Только сильнее двинется на идее его принадлежности к Тьме. Это вынудит Макса бежать.

– Бежать в никуда, – пробормотала Сара. – Дальше от Соларума и защиты.

У Стефа зазвенело в ушах. Голова вновь закружилась, он присел на бордюру, оглядывая грязные рваные тучи. Падшие меняли абсолютно все.

– Думаю, они хотят выманить новенького. Они знают о придури Паскаля и неплохо разыграли эту карту.

– Но зачем? Почему они его сначалапустили, а теперь хотят вернуть? Это нелогично. Мы даже не знаем, что именно падшие с ним сотворили.

– Да, действительно не знаем, – промычал Стефан, утомленно закрыв лицо ладонями.

Он не понимал, что делать дальше.

– Риторический вопрос – мы его спасаем или пытаемся покарать?

Сара на секунду задумалась.

– Ты знал его? Новенького.

– Хреново. Я из-за него сильно огреб.

– Ты о том выговоре за его избиение?

– Да он сам это спровоцировал! – огрызнулся Стеф. – С месяц назад этот недомерок оскорбился на мое замечание по его рукопашному бою, вызвал меня на поединок. Вдогонку обозвал биомусором. И, конечно же, быстро отхватил от меня – сражается отвратительно. Но я, блин, не ожидал, что ему хватит наглости идти к Смотрителю и заявлять, что я его избил. Тогда правила Дева, а я ей и так не нравлюсь.

– Она встала на его сторону, – понимающе кивнула Сара.

– Ага, без разборок отправила меня в Заполярье, отмораживать зад. Я там выгонял сплитов из захудалых деревенок, вернулся всего три дня назад и снова вынужден с ним иметь дело. Это, видно, что-то кармическое.

Девушка никак не отреагировала на услышанное, лишь скрестила руки, наблюдая, как к дому под завывание сирен подъезжает пожарная машина. Та неприлично выделялась яркостью на гнетущем сероватом фоне.

– Я пару раз его тренировала, – сказала Сара. – Как ты и говорил, он удивительно плох с оружием ближнего боя, хоть врукопашную и получше. Зато в ладах с луком. Как о человеке я вряд ли могу что-то о нем сказать. Максимус показал-

ся мне скрытным. Не таким, как другие в начале – от растерянности и смятения перед новым местом. Этот закрылся в задумчивом ожидании.

– С чего взяла?

– Максимус никогда не боялся мира Эквилибриса. В его глазах был мрак. Я видела это с самого первого дня. – Сара еле заметно нахмурилась. – Но на суде этот мрак исчез. Впервые за все время. Словно кто-то его похитил...

Вдруг на энерглассы протекторов пришло сообщение. Стефан быстро пробежался глазами по куску стекла, чувствуя, как по спине побежали мурашки.

– Отлично, его нашли, – констатировала Сара, оборачиваясь к Стефу. – Выдвигаемся немедленно.

– Да... да, ты иди, – протянул Стеф, в смятении глядя на экран. – Только отдышусь и догоню.

– Не затягивай. Все-таки это твое задание.

Как только девушка исчезла из поля зрения, а перед домом остались лишь мельтешащие пожарные да вывалившиеся из квартир приземленные, Стеф медленно поднялся. Он двинулся вперед, сперва пошатываясь, но каждый новый его шаг становился увереннее. Мысли метались, как рой озлобленных ос: падшие, кража в «Белом луче», наказ Паскаля. И все это сводилось к новенькому. Стефан внезапно ощутил душашую ненависть к Максимусу. Столько проблем из-за такой самовлюбленной мелочи! Одно воспоминание о его надменном взгляде заставляло Стефа стиснуть челюсти. Во-

долей прежде об этом не задумывался, но какое же удовлетворение он испытал, когда увидел, насколько жалким и испуганным был этот гаденыш, сидя в камере. И как только Фри не замечала его реальной вонючей сути?

До этого у Стефа еще оставались сомнения, но теперь, после сигнала от падших, их почти не осталось. Водолей огибал людей, прокладывая себе путь вперед. Он достал энерг-ласс. Если падшие тоже намеренно гоняются за новеньким, то протекторы вряд ли успеют его перехватить. А падшим ничего и никогда нельзя отдавать. Ни в коем случае.

Меньшее из двух зол.

– Есть новости? – раздался натянутый голос Меркурия.

– Мы его нашли, – сухо произнес Стефан, стискивая в руках стекло. – Сейчас пришлю координаты.

Глава X

Ты не понимаешь

– Этого только не хватало! – Дан взволнованно выглянул в окно гостиной. Из-за его спины был виден лишь поднимающийся к небу столб дыма.

Планетарша произнесла сквозь зубы:

– Вряд ли это совпадение.

– Считаешь, это из-за Макса? – спросил Дан.

– Сам подумай! – Нерман поравнялась с ним и указала на меня. – Много ты видел осколков красного спектра без надзора? Сколько ты вообще видел звездных осколков? Я не видела, а живу, мягко скажем, дольше тебя. Ты хоть подумал, кому он мог принадлежать?!

– Но что может понадобиться кому-то от простого осколка?! – вмешалась Фри. – Если бы это была та часть души, что несет сознание, мы бы уже давно это поняли!

– Да, но он все равно полон эфира и воспоминаний. И я даже не знаю, что из этого более опасно.

Дан отвернулся от окна.

– Нужно убираться. Не хочу выяснять, что происходит. По крайней мере сейчас.

Он взял меня и Фри за плечо, но ничего не произошло.

– Не могу переместиться, – удивился он. – Почему не выходит?

– Хотел сразу за мост махнуть? – помрачнела Нерман. – Когда происходит атака на поселение, образовывается барьер, который перемещением не преодолеть. Даже внутри него оно будет заторможенным. Пока не устранится проблема.

– Ты серьезно?! – опешила Фри.

– Черт, – выругался Дан. Я буквально видел, как его мысли носятся со скоростью света. Дан стукнул кулаком о ладонь. – Нужно сейчас же уходить. Скоро должны прибыть протекторы. Может, они отвлекут внимание.

– А почему нам самим не попросить у них помощи? – спросил я.

Все дружно обернулись ко мне, храня на лицах все то же чувство неопределенности, словно стояли у койки тяжелобольного. В тот момент я старался не думать о чужой части души, находившейся внутри меня. Одна лишь мысль об этом нагоняла дрожь.

– Мы же выяснили, что я не имею отношения к Тьме! Происходящее со мной Паскаль не сможет игнорировать!

Однако Фри в нерешительности качнула головой.

– Это еще хуже. Такие метаморфозы... Макс, поверь, нам нельзя подпускать к тебе протекторов еще пару дней точно, вплоть до тридцатого ноября, когда Смотрителем станет Змееносец.

– Давайте обсудим это, когда будем в безопасности, – обронил Дан и указал на прикрепленный над камином шар-ин-

дикатор. Тот заливался красным.

Лицо Фри исказилось в злобе.

– Тьма.

– Но это не могут быть просто сплиты, – заметил Дан. – Они слишком тупы и слабы, чтобы пробить защиту поселений.

– Здесь почти не осталось ни охраны, ни населения, – заявила Нерман. – Большая часть отправилась в Аргентион и за небеса – отдать последнюю дань памяти Верховной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.